

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

Роберт К. МЭССИ

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

Роберт К. Мэсси

Екатерина Великая.

Портрет женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40502547

*Екатерина Великая. Портрет женщины:
ISBN 978-5-17-112158-7, 978-5-17-089042-2*

Аннотация

Немецкая принцесса София Фредерика Августа из захолустного Ангальт-Цербского княжества, ставшая императрицей Екатериной II... Волею судеб она возшла на российский престол и самодержавно управляла империей в течение почти тридцати пяти лет (1762–1796).

Содержание

Часть I	5
1	5
2	26
3	37
4	54
5	76
6	93
7	99
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Роберт К. Мэсси Екатерина Великая. Портрет женщины

Посвящается Деборе

*И Бобу Лумису. Двадцать четыре года, четыре
книги. Спасибо.*

*Она была императрицей, оставаясь при
этом женщиной. Пожалуй, это самая точная
характеристика для нее.*

*Герцог Бэкингем, британский посол в России, 1762-1765
годы*

© Robert K. Massie, 2011

© Перевод. Н. Нестерова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Часть I

Немецкая принцесса

1

Детство Софии

Принц Христиан Август Ангальт-Цербстский практически ничем не выделялся среди многочисленных обедневших дворян, чьи владения были разбросаны по маленьким германским княжествам восемнадцатого столетия. Принц Христиан, не отличавшийся ни выдающейся добродетелью, ни опасными пороками, тем не менее демонстрировал доблесть истинного прусского дворянина – строгую приверженность порядку, дисциплинированность, честность, бережливость и набожность, а также абсолютное равнодушие к сплетням, интригам, литературе и всему, что происходило во внешнем мире. Он родился в 1690 году и служил в армии прусского короля Фридриха Вильгельма. Его участие в военных походах против Швеции, Франции и Австрии не было отмечено никакими заслугами и никоим образом не поспособствовало, но и не воспрепятствовало дальнейшему продвижению по службе. Когда наступил мир, король, который, по словам очевидцев, однажды назвал своего преданного офицера

не иначе, как «тот идиот Цербстский», поручил ему командование пехотным полком, размещенным в городе Штеттине, который, в свою очередь, находился в недавно отвоеванном у Швеции герцогстве Померания на Балтийском побережье. Именно там в 1727 году принц Христиан, остававшийся до тридцати семи лет холостяком, уступил мольбам родных и решил обзавестись наследником. Надев свой лучший синий мундир и прицепив сияющую церемониальную шпагу, он пошел под венец с пятнадцатилетней принцессой Иоганной-Елизаветой Гольштейн-Готторпской, с которой был едва знаком. Его семья, устроившая этот брак, была просто счастлива не только вследствие того, что теперь у них появилась надежда на продолжение династии Ангальт-Цербстских, но и потому, что семья Иоганны находилась выше их по социальной лестнице.

Это был неравный брак. Разница в возрасте оказалась слишком велика. Обычно, отдавая девушку-подростка замуж за мужчину средних лет, семейство руководствовалось определенными мотивами и ожиданиями. Когда Иоганна – девушка из хорошей, но бедной семьи – достигла брачного возраста, ее родители, не посоветовавшись с ней, сосватали ее зрелому мужчине, почти втрое старше ее, и у Иоганны не оставалось другого выбора, кроме как дать свое согласие. Христиан Август был человеком прямолинейным и честным, но занудным, замкнутым и скупым; Иоганна-Елизавета же, напротив, оказалась девушкой непростой, живой,

расточительной и большой любительницей развлечений. Ее считали красавицей – изогнутые брови, светлые волнистые волосы – а ее умение очаровывать и огромное желание нравиться, помогали ей привлекать к себе людей. Находясь в обществе, она испытывала необходимость во внимании окружающих, но с годами ее стремление привлечь к себе всеобщее внимание стало чрезмерным. За свою страсть к веселым беседам она снискала себе репутацию пустой особы; когда ей перечили, на смену очарованию приходила раздражительность, и ее вспыльчивый нрав не раз давал о себе знать. Иоганна понимала, что причина подобного поведения заключалась в том, что ее брак оказался ужасной и теперь уже неизбежной ошибкой.

Впервые она осознала это, увидев дом в Штеттине, куда привез ее супруг. Свое детство и юность Иоганна провела в великосветском окружении. Поскольку она была одной из двенадцати детей в семействе, которое представляло собой боковую ветвь герцогов Гольштейнов, ее отец, лютеранский епископ Любека, отправил Иоганну на воспитание к ее крестной матери – бездетной герцогине Брауншвейгской. Находясь при самом роскошном и великолепном дворе Северной Германии, Иоганна привыкла к красивым нарядам, изысканному обществу, балам, опере, концертам, фейерверкам, охотам и необременительным легким беседам.

Ее супруг, Христиан Август, кадровый офицер, живущий на скудное армейское жалованье, был не в состоянии обес-

печить ее всем этим. Самое большое, что он мог себе позволить, — это скромный дом из серого камня, вечно обдуваемый ветрами и поливаемый холодным дождем. Окруженный крепостной стеной Штеттин располагался на берегу мрачного Северного моря. В городе царила суровая военная дисциплина, и не было места для веселья и изысканных манер. Жены офицеров гарнизона вели скучное, однообразное существование, а жизнь простых горожан была еще безрадостнее. Именно здесь молодая, полная жизни женщина, привыкшая к роскоши и развлечениям Брауншвейгского двора, должна была коротать свои дни: мириться со скромными доходами и терпеть своего мужа-пуританина, который был предан своей службе, одержим жесткой экономией и привык раздавать приказы, а не беседовать, и который страстно желал, чтобы супруга преуспела в деле, ради которого он и вступил с ней в брак, то есть родила ему наследника. Иоганна старалась изо всех сил — она была послушной, хоть и несчастной женой. Но в глубине души все время мечтала о свободе: ей хотелось избавиться от скучного мужа, от безденежья и вырваться из узкого провинциального мирка Штеттина. Она считала, что достойна лучшего. А потом, через восемнадцать месяцев брака, у нее родился ребенок.

В шестнадцать лет Иоганна оказалась не готова исполнять обязанности матери. Беременная она жила мечтами, что ребенок будет во всем похож на нее, и что, в конце концов, их

жизнь наладится, и она сможет реализовать все свои устремления. В своих мечтах она не сомневалась, ребенок, которого она носит, будет сыном, наследником своего отца и, что более важно, красивым и выдающимся мальчиком, чьей блистательной карьерой она будет руководить и чьими заслугами непременно воспользуется.

В 2.30 ночи 21 апреля 1729 года в холодный серый пред-рассветный час Иоганна родила ребенка. Увы, этим маленьким созданием оказалась девочка. Иоганна и Христиан Август нарекли ребенка Софией Августой Фредерикой, однако с самого начала Иоганна не испытывала и не проявляла к новорожденной никаких материнских чувств. Она не занималась своей маленькой дочкой, не сидела над ее колыбелью и не баюкала на руках. Вместо этого она тут же отдала ребенка на попечение слуг и кормилиц.

Возможно, одним из объяснений поведения Иоганны было то, что она едва не умерла при родах: в течение девятнадцати недель после рождения Софии ее молодая мать оказалась прикована к постели. Кроме того, Иоганна сама была еще очень юной, а ее многочисленные амбиции остались практически нереализованными. Но главное, ребенок оказался девочкой, а не мальчиком. Если бы тогда Иоганна знала, что рождение дочери стало самым важным достижением в ее жизни! Если бы ребенок оказался сыном, которого она так страстно желала, и если бы ему суждено было возмужать, он унаследовал бы от отца титул князя Ангальт-Цербстско-

го. И тогда история России развивалась бы по совершенно иному пути, а Иоганна-Елизавета не получила бы даже той маленькой роли, которую она в итоге сыграла.

Через восемнадцать месяцев после рождения первого ребенка Иоганна произвела на свет мальчика, о котором мечтала. Ее нежность ко второму младенцу, нареченному Вильгельмом Христианом, проявилась еще сильнее, когда она поняла, что ребенок родился не совсем здоровым. Мальчик, страдавший рахитом, стал ее страстью: она пестовала его, баловала, практически не выпускала из поля зрения, окружала той нежностью и заботой, которой была лишена ее дочь. София, к тому времени уже осознавшая, что ее рождение стало разочарованием для матери, видела, с какой любовью мать относилась к ее младшему брату. Нежные поцелуи, ласковые слова, которые она нашептывала ему на ухо, заботливые прикосновения, – все доставалось мальчику, София лишь наблюдала за этим. Разумеется, матери калек или хронически больных детей часто проводят больше времени с больным ребенком, и остальные дети вполне естественно обижаются, что им уделяется не так много внимания. Но Иоганна отвергла Софию еще до рождения Вильгельма, а впоследствии ее равнодушие к дочери лишь усилилось. В результате любовь матери к брату стала для девочки незаживающей раной. Большинство детей, отвергнутых или брошенных ради своих братьев или сестер, реагируют примерно так же, как София; чтобы избежать еще больших страданий, она скры-

вала свои эмоции — она ничего не получит и поэтому ничего не ждала. Маленький Вильгельм принимал материнскую любовь как должное и был совершенно невиновен в творившейся в семье несправедливости, однако София ненавидела его. Сорок лет спустя при написании «Мемуаров» она по-прежнему не могла скрыть своей неприязни к брату:

«Мне говорили, что мое рождение было воспринято без особой радости... отец почитал меня за ангела; мать же мало занималась мною. Через полтора года она [Иоганна] родила сына, которого боготворила. Меня едва терпели, часто сердито и даже зло отчитывали, причем незаслуженно. Я чувствовала все это, но не могла понять, в чем причина».

Далее в своих «Мемуарах» она больше не упоминала Вильгельма Христиана до его смерти в 1742 году в возрасте двенадцати лет. Она описывала это коротко и абсолютно безо всяких эмоций:

«Он едва дожил до двенадцати лет. Лишь после смерти стала известна причина его болезненности, из-за которой он передвигался на костылях, и почему лекарства, которые ему давали, оказались бесполезными, как и рекомендации самых известных врачей Германии. Они советовали отправить его на воды в Баден и Карлсбад, но по возвращении домой он продолжал хромать, как и до своего отъезда. А чем больше он рос, тем короче становилась его нога. После смерти его тело вскрыли, и выяснилось, что нога была

вывихнута, вероятно, еще в младенческом возрасте <...> После его смерти моя мать была безутешна, и лишь участие всей семьи помогало ей справиться с горем».

В этих горьких словах содержится лишь намек на ту сильнейшую обиду, что София затаила на свою мать. Боль, которую Иоганна причиняла своей маленькой дочери, открыто предпочитая ее брата, сильно отразилась на характере Софии. Недостаток материнского внимания в детстве помогает объяснить, почему, повзрослев, она стремилась получить то, чего была лишена в детстве. Даже добившись высшей власти и став императрицей Екатериной II, она хотела не только восхищения ее незаурядным умом и преклонения перед ней как перед царственной особой, но также жаждала обычного человеческого тепла, которым в детстве мать окружала ее брата и которым была обделена она сама.

В восемнадцатом веке даже обедневшие княжеские фамилии старались соответствовать своему статусу. У детей из благородных семей были няни, гувернантки, воспитатели, учителя музыки, танцев, верховой езды и богословия; их обучали этикету, манерам и религиозным нормам, принятым при европейских дворах. Этикет был самым главным: маленькие ученики упражнялись в том, как нужно кланяться и делать реверансы, пока не достигали совершенства и автоматизма. Уроки иностранных языков имели первостепенную важность. Юные принцы и принцессы должны были го-

ворить и писать на французском – языке образованных европейцев. В аристократических немецких семьях немецкий язык считался вульгарным.

Влияние гувернантки Елизаветы (Бабетты) Кардель на жизнь юной Софии было очень сильным. Бабетте, француженке-гугенотке, которой протестантская Германия казалась ближе по духу и безопасней, нежели католическая Франция, было доверено обучение Софии. Бабетта понимала, что причиной воинственного поведения ее ученицы часто являлись ее одиночество и недостаток внимания и заботы. Бабетта давала ей все это. Она также привила Софии любовь к французскому языку, оставшуюся с ней до конца жизни, продемонстрировала всю логичность, деликатность, остроумие и живость этого языка в письменной и устной речи. Уроки начинались с басен де Лафонтена, затем они переходили к Корнелю, Расину и Мольеру. Позднее София пришла к выводу, что большая часть ее обучения строилась на заучивании наизусть. «Все очень рано заметили, что у меня хорошая память, поэтому меня постоянно мучили, заставляя все заучивать наизусть. У меня до сих пор сохранилась Библия на немецком, где красными чернилами подчеркнуты строки, которые я должна была выучить».

Педагогические методы Бабетты были значительно мягче тех, что использовал пастор Вагнер, педантичный армейский капеллан, которому отец Софии – ревностный лютеранин – поручил обучить свою дочь религии, географии

и истории. Строгий Вагнер требовал постоянного заучивания и повторения, но такой подход не имел особого успеха у воспитанницы, которую Бабетта уже в то время называла *esprit gauche*¹. Девочка задавала обескураживающие вопросы: «Почему великие люди античности, такие как Марк Аврелий, были навечно прокляты? Неужели из-за того, что они не знали о спасении Христа и, следовательно, не могли быть спасены?» Вагнер отвечал, что на то была воля Божья. «Какова была природа Вселенной до Сотворения мира?» Вагнер объяснял, что до этого был хаос. Тогда София попросила описать первоначальный хаос, но этого Вагнер сделать не смог. Слово «обрезание», которое использовал Вагнер, вызвало естественный вопрос: «Что это означает?» Вагнер, придя в ужас от положения, в котором очутился, отказался отвечать. Подробно рассказывая о кошмарах Страшного суда и трудностях спасения, Вагнер так запугал свою ученицу, что «ночью, перед рассветом, я подошла к окну и заплакала». Однако на следующий день она нанесла ответный удар: «Как бесконечная доброта Господа может сочетаться с ужасами Страшного суда?» Вагнер принялся кричать, что не существует рациональных ответов на эти вопросы, а все, что он ей говорит, нужно принимать на веру, и даже стал угрожать своей тростью. Тогда вмешалась Бабетта. Позже София писала: «Я была полностью уверена, что герр Вагнер – тупица. – И добавила: – Все свою жизнь я уступала лишь доброте

¹ Изохренный ум (*фр.*).

и разуму и сопротивлялась любому давлению на меня».

Тем не менее ни доброта, ни давление не помогали ее учителю музыки герру Рёллигу. «Он приводил с собой человека, который ревел басом, – позже писала она своему другу Фридриху Мельхиору Гримму, – и заставлял его петь в моей комнате. Я слушала и говорила себе: «Он же ревет, как бык», но герр Рёллиг приходил в неопиcуемый восторг, слушая бас». Она никогда не преувеличивала свои возможности ценить гармонию музыки: «Мне так хочется слушать музыку и наслаждаться ею, – писала София-Екатерина в своих «Мемуарах», – но все мои старания тщетны. Я слышу только шум и ничего больше».

Екатерина не забыла уроков Бабетты Кардель и годы спустя, уже став императрицей, она с благодарностью высказалась о ней: «Она обладала благородной душой, выдающимся умом, золотым сердцем; она была терпеливой, доброй, веселой, справедливой, постоянной – именно такую гувернантку должен иметь каждый ребенок». Вольтеру она писала, что была «ученицей мадмуазель Кардель». В 1776 году в возрасте сорока семи лет она написала Гримму:

«Порою невозможно узнать, о чем дети думают. Детей трудно понять, особенно когда их методично приучают к покорности, а личный опыт заставляет проявлять осторожность в беседах с учителями. Разве не наталкивает это вас на мысль, что нужно не бранить детей, а завоевывать их доверие, дабы они не скрывали

от нас свою глупость?»

Чем более независимой становилась София, тем сильнее это тревожило ее мать. Девочка была заносчивой и непокорной, поэтому Иоганна решила искоренить эти черты прежде, чем возникла необходимость подыскивать ей подходящую партию. Поскольку замужество было единственной перспективой для юной принцессы, Иоганна твердо вознамерилась «изгнать из нее дьявола гордыни». Она постоянно твердила дочери, какой та была некрасивой и глупой. Софии запрещалось разговаривать, если только к ней не обращались, и высказывать в присутствии взрослых свое мнение. Ей надлежало опускаться на колени и целовать подол платья всех знатных дам, посещавших их. София подчинялась. Несмотря на то что девочка была обделена нежностью и заботой своей матери, она сохраняла уважительное отношение к ней, оставалась молчалива, выполняла распоряжения Иоганны и держала свое мнение при себе. Позже умение сдерживать свою гордость и терпеть унижения очень пригодилось Софии – ставшей к тому времени Екатериной – она использовала эти навыки в критических ситуациях и перед лицом опасности. Если ей угрожали, она заворачивалась в плащ смирения и преклонения и на время становилась покорной. В этом она также брала пример с Бабетты Кардель – женщины благородного происхождения, смирившейся с более низким по статусу положением гувернантки, но сумевшей сохранить уважение к себе, чувство собственного достоинства и гордость, что

поднимало ее в глазах Софии и ставило даже выше матери. Со стороны София казалась веселым ребенком. Отчасти это происходило из-за ее чрезмерной любознательности и пытливого ума, а отчасти – вследствие энергичного темперамента. Ей требовались физические нагрузки. Прогулок по парку с Бабеттой Кардель оказалось недостаточно, и родители разрешили ей играть с городскими детьми. София с легкостью становилась лидером маленьких групп из мальчишек и девчонок и не только потому, что она была принцессой, но и благодаря врожденным лидерским качествам и воображению, позволявшему придумывать игры, в которые хотели играть все дети.

В конце концов, Христиан Август получил повышение – из командира гарнизона он превратился в губернатора Штеттина, это позволило ему перевезти семью в одно из крыльев гранитного замка, располагавшегося на главной площади города. Иоганну переезд в замок не особенно обрадовал. Она по-прежнему была несчастна и все никак не могла примириться с положением, в котором оказалась. Она вышла замуж за человека, который был ниже ее по положению и вместо блистательной жизни, о которой мечтала, вела жизнь провинциальной дамы в городе, где размещался гарнизон. Вслед за первыми двумя детьми у нее появилось еще двое – сын и дочь, – но и они не принесли ей счастья.

В своем стремлении вырваться из этого мира она стара-

лась поддерживать те связи с высшим обществом, которые ей еще удалось сохранить. От рождения Иоганна принадлежала к одной из самых знатных семей Германии – Гольштейн-Готторпскому герцогскому дому, и она по-прежнему была уверена, что благодаря положению своей семьи, собственному уму, обаянию и живому нраву она может устроиться намного лучше. Иоганна начала переписываться со своими родственниками, наносить им визиты. Она часто ездила в Брауншвейг – блестящий дворец своего детства, где на стенах висели картины Рембранта и Ван Дейка. Затем каждый февраль на Масленицу Иоганна стала выезжать в Берлин, чтобы навестить короля Пруссии. Она была страстной интриганкой, а в Штеттине даже праздные интриги маленьких германских дворов, где она так хотела блистать, казались ей невероятно привлекательными. Но так случилось, что куда бы Иоганна ни приезжала, везде к ней относились как к бедной родственнице, девушке из хорошей семьи, неудачно вышедшей замуж.

Когда Софии исполнилось восемь, Иоганна стала брать ее с собой в поездки. Иоганна считала своим долгом подыскать для дочери выгодную партию, и было бы неплохо, даже на столь раннем этапе, оповестить общественность о том, что в Штеттине подрастает юная принцесса. Во время этих раутов замужество являлось основной темой для бесед между матерью и дочерью. К тому времени, когда Софии исполнилось десять, разговоры о ее предполагаемом супруге ста-

ли обычным делом среди ее тетушек и дядюшек. София никогда не возражала против поездок с матерью, ей они даже нравились. Повзрослев, она не только узнала о цели этих визитов, но и полностью их одобрила. Замужество позволило бы ей вырваться из-под опеки своей семьи и матери, к тому же, София знала о существовании другой, куда более пугающей альтернативы. Речь шла об участии ее тетушек, оставшихся старыми девами, и непристроенных дочерей из бедных дворянских семей Северной Германии, которых запирали в дальних комнатах в фамильных замках или отправляли в протестантские монастыри. София хорошо запомнила визит к одной из этих несчастных, старшей сестре ее матери, у которой было шестнадцать мопсов, спавших, евших и справлявших нужду в комнате своей хозяйки. «К тому же в этой комнате жило много попугаев, – писала София. – И можно себе представить, какой запах там стоял».

Несмотря на желание выйти замуж, шансы Софии на хорошую партию были ничтожно малы. С каждым годом в Европе появлялись новые принцессы, желавшие найти себе супруга и способные предложить намного больше королевским и знатым фамилиям, нежели союз с крошечным княжеством Цербстским. Кроме того, София не отличалась исключительной красотой. В десять лет у нее было невыразительное лицо с острым, вздернутым подбородком, который Бабетта Кардель советовала ей держать немного опущенным. София знала о недостатках своей внешности. Позже она на-

писала:

«Не знаю, была ли я в действительности некрасивым ребенком, но хорошо помню, что мне часто об этом говорили и о том, что я должна прилагать все усилия, дабы демонстрировать свою добродетельность и ум. Лет до четырнадцати или пятнадцати я считала себя некрасивой и старалась развить мои духовные качества, уделяя гораздо меньше внимания своей внешности. Я видела свой портрет, написанный, когда мне было десять лет, и на нем я выглядела просто уродливой. Если он имел со мной сходство, значит, все, что говорили о моем внешнем облике, было правдой».

И все же, несмотря на довольно средние перспективы и невыразительную внешность, София путешествовала по Северной Германии вместе со своей матерью. Во время этих поездок она освоила для себя много нового. Слушая сплетни взрослых, она узнала генеалогию почти всех королевских семей Европы. Один из визитов представлял особый интерес. В 1739 году брат Иоганны, Адольф Фридрих, князь-епископ Любека, был назначен опекуном юного герцога Гольштейнского, одиннадцатилетнего Карла Петера Ульриха – мальчика из очень влиятельной семьи, которому было уготовано блистательное будущее. Он являлся единственным на тот момент внуком Петра Великого из России, а также одним из первоочередных наследников шведской короны. Он был на год старше Софии и приходился ей троюродным братом по материнской линии. Когда Петер Ульрих стал подопеч-

ным ее брата, Иоганна решила не тратить время попусту, собрала Софию и нанесла визит родственнику. В своих мемуарах София-Екатерина описывала Петра Ульриха как человека «приятной наружности и хорошо воспитанного, хотя его склонность к пьянству уже была заметна». Это описание одиннадцатилетнего сироты является далеко не полным. В реальности Петер Ульрих был невысокого роста, худощавого телосложения, болезненного вида, с выпученными глазами, едва заметным подбородком и редкими светлыми волосами, которые спадали ему на плечи. В эмоциональном и физическом плане он был недоразвит. Этот застенчивый и одинокий подросток жил в окружении наставников и солдафонов. Он не общался со сверстниками, ничего не читал и имел наклонность к чревоугодию. Но Иоганна, как и любая мать девушки на выданье, следила за каждым его движением, и ее душа воспарила, когда она увидела, что ее десятилетняя София беседует с ним. Позже София наблюдала, как перешептывались мать и тетушки. Несмотря на юный возраст, она знала, что они обсуждали возможный брачный союз между ней и этим странным мальчиком. Она не возражала и даже дала волю своему воображению:

«Я знала, что однажды он станет королем Швеции, и хотя я была еще ребенком, королевский титул ласкал мой слух. С того момента окружавшие меня люди стали дразнить меня из-за него, и постепенно я свыклась с мыслью, что мне было уготовано стать его женой».

Между тем во внешнем облике Софии произошли значительные перемены к лучшему. К тринадцати годам она превратилась в стройную девушку с шелковистыми темно-каштановыми волосами, высоким лбом, сверкающими синими глазами и красиво изогнутыми розовыми губами. Ее внутренние качества также привлекали всеобщее внимание: она была образованна и отличалась живым умом. Далеко не все считали ее пустышкой. Шведский дипломат граф Хеннинг Юлленбург, встретивший Софию в доме ее бабушки в Гамбурге, был поражен ее умом и сказал Иоганне в присутствии Софии: «Мадам, вы не знаете этого ребенка. Уверяю вас, у нее гораздо больше ума и силы воли, чем вы думаете. И я умоляю вас уделять вашей дочери больше внимания, ибо она этого, несомненно, заслуживает». На Иоганну эти слова не произвели особого впечатления, но София никогда их не забывала.

Она научилась завоевывать расположение людей и впоследствии блестяще этим пользовалась. Речь шла не об искусстве обольщения, София, – а позднее Екатерина, – никогда не была кокеткой; она стремилась пробуждать в людях не сексуальный интерес, а теплоту, сочувствие и понимание, которые проявил по отношению к ней граф Юлленбург. Для достижения своей цели она использовала средства настолько простые и благопристойные, что они выглядели безупречными. Она понимала, люди предпочитают говорить, а не слушать, и говорить о себе, а не о других. В этом отношении

ее мать в своем жалком лихорадочном стремлении показать свою значимость служила для Софии образцом того, как не нужно себя вести.

Со временем в ее душе стали зарождаться новые желания. В Софии проснулась чувственность. В тринадцать-четырнадцать лет по ночам она часто испытывала сильное нервное возбуждение и начинала ходить по комнате. Пытаясь успокоиться, она садилась на кровать, клала жесткую подушку между ног и воображала, будто скачет на лошади – «скачу галопом до полного изнеможения». Когда служанки, слышав шум в ее комнате, приходили посмотреть, что случилось, они видели Софию тихо лежащей в кровати и притворяющуюся спящей. «Они ни разу не застали меня за этим делом», – вспоминала она. На людях София старалась строго контролировать свое поведение. У нее было лишь одно огромное желание – вырваться из-под опеки своей матери. И она понимала, что единственным избавлением для нее оставался брак. Поэтому она должна была выйти замуж – и не за обычного мужчину, а за человека, который оказался бы как можно выше ее по титулу, чтобы возвыситься над Иоганной.

Но и она не избежала кратковременной юношеской влюбленности. В четырнадцать София ненадолго увлеклась своим красивым молодым дядей, младшим братом матери – Георгом Людвигом. Он был на десять лет старше Софии, и его очаровали свежесть и невинность неожиданно расцветшей племянницы. Этот напoмаженный офицер кирасирско-

го полка стал ухаживать за девушкой. София описала в своих мемуарах развитие этого маленького романа, который неожиданно закончился предложением руки и сердца от ее дяди Георга. Девушка была потрясена. «Я ничего не знала о любви и совершенно не связывала с ним это чувство». Польщенная, она все же медлила с ответом – этот человек был родным братом ее матери. «Мои родители не одобряют нашего союза», – сказала она. Георг Людвиг заметил, что отношения между их семьями не станут преградой, подобные союзы не были редкостью в аристократических семьях Европы. София была смущена и позволила дяде Георгу продолжать свои ухаживания. «Он был очень хорош собой в то время, у него были красивые глаза, и он прекрасно изучил мой нрав. Я привыкла к нему. Прониклась к нему симпатией и больше не избегала встреч с ним». В конце концов, она осторожно приняла предложение, после чего «мои отец и мать дали согласие. В этот момент мой дядя полностью отдался своей страсти и проявил необычайную опытность. Он пользовался любой возможностью, чтобы заключить меня в объятия, был необычайно изобретателен, придумывая способы, чтобы мы могли уединиться, но, не считая нескольких поцелуев, все было весьма невинно».

Неужели София была готова отказаться от своих амбиций стать королевой и согласилась бы с ролью невестки своей собственной матери? Какое-то время она колебалась. Не исключено, что она могла бы сдаться и позволила бы Георгу

Людвигу взять ее в жены, но прежде чем наступила развязка, из Петербурга прибыло письмо.

Приглашение в Россию

Письмо из России стало сюрпризом, однако именно о таком послании мечтала Иоганна, именно оно было предметом ее чаяний и надежд. Пока амбициозная мать возила свою дочь по маленьким дворам княжеств Северной Германии, она старалась наладить более важные связи. Семейная история связывала родственников Иоганны из дома Гольштейнов с Романовыми – императорской династией России. В декабре 1741 года, когда Софии было двенадцать, Елизавета, младшая дочь Петра Великого, взошла на трон в результате дворцового переворота. Новая императрица имела прочные связи с домом Гольштейнов. Во-первых, через любимую сестру Елизаветы Анну, старшую дочь Петра Великого, которая вышла замуж за кузена Иоганны Карла Фридриха, герцога Гольштейна. В результате этого брачного союза на свет появился маленький, болезненный Питер Ульрих, а через три месяца после родов Анна умерла.

Однако Елизавета имела и еще более близкие связи с домом Гольштейнов. В семнадцать лет она была помолвлена со старшим братом Иоганны Карлом Августом. В 1726 году этот гольштейнский принц отправился в Санкт-Петербург, чтобы вступить в брак, но за несколько недель до бракосочетания жених заболел оспой и умер в русской столице. Ели-

завета сильно горевала и с тех пор относилась к дому Гольштейнов как к своей родной семье.

Теперь же, когда стало известно, что Елизавета взошла на российский престол, Иоганна немедленно написала письмо с поздравлениями новой императрице, которая в свое время едва не стала ее невесткой. Ответ Елизаветы был полон нежности и расположения. Между ними установились дружеские отношения. У Иоганны сохранился портрет покойной сестры Елизаветы Анны, который императрица хотела получить. Елизавета написала своей «дорогой кузине» и попросила ее вернуть портрет в Россию, на что Иоганна с большой радостью согласилась сделать это одолжение. Вскоре из русского посольства в Берлине в Штеттин прибыл секретарь и привез миниатюрный портрет Елизаветы, вставленный в великолепную, украшенную бриллиантами раму, которая стоила восемнадцать тысяч рублей.

Стараясь укрепить отношения, Иоганна взяла с собой в Берлин дочь, где прусский придворный художник Антуан Пэн написал портрет Софии, который был послан в дар императрице. Этот портрет не обладал особыми художественными достоинствами. Почти все работы Пэна были очень похожи друг на друга. На портрете Софии мы видим типичное изображение миловидной молодой женщины восемнадцатого века. Тем не менее, после того как картина была доставлена в Санкт-Петербург, последовал желаемый ответ: «Императрица очарована прелестным лицом юной принцессы».

Таким образом, Иоганна не упускала ни малейшей возможности добавить новые звенья к своей семейной цепи. В конце 1742 года она произвела на свет вторую дочь – единственную сестру Софии. Вскоре после рождения дочери Иоганна написала императрице письмо и сообщила, что ребенка нарекут Елизаветой, а также попросила Ее Величество оказать честь и стать крестной матерью девочки. Елизавета согласилась, и вскоре еще один портрет императрицы в украшенной бриллиантами рамке был доставлен в Штеттин.

Тем временем произошло еще несколько приятных для Иоганны событий. В январе 1742 года молодой Петер Ульрих из Гольштейна, мальчик-сирота, с которым София познакомилась три года назад, неожиданно исчез из Киля и вскоре объявился в Санкт-Петербурге, где был принят своей тетей Елизаветой и объявлен наследником российского престола. Этот мальчик, теперь уже будущий император России, приходился кузеном Иоганне (и, соответственно, Софии). В 1743 году в жизни Иоганны произошло еще одно чудесное и неожиданное событие. Поскольку Петер Ульрих стал наследником российского престола, маленький гольштейнский принц отказался от притязаний на шведский трон. По условиям соглашения, заключенного между Россией и Швецией, императрице Елизавете было позволено подыскать замену своему племяннику в качестве наследника шведского трона. Она выбрала брата Иоганны, Адольфа Фридриха, князя-епископа Любека, который являлся опекуном Петера Ульриха.

Таким образом, после того, как все замены и перестановки были произведены, Иоганна оказалась в самом центре колеса фортуны. Из-за оспы она в свое время потеряла брата, который теперь мог бы стать консортом при нынешней императрице России, однако обрела кузена – наследника русского престола, и кроме того, ее старший брат должен был стать королем Швеции.

Пока его жена добивалась расположения Санкт-Петербурга и возила свою дочь по Северной Германии, князь Христиан Август, муж и отец, оставался дома. Разменяв шестой десяток, он по-прежнему был верен дисциплине и умеренному образу жизни. Ему удалось оправиться после кратковременного паралича, вызванного апоплексическим ударом, и дожить до очередного повышения по службе. В 1742 году новый король Пруссии Фридрих II присвоил ему звание генерал-фельдмаршала прусской армии. В ноябре того же года князь и его старший брат добились суверенитета для маленького княжества Ангальт-Цербстского, находившегося к юго-западу от Берлина. Это был город, окруженный средневековой крепостной стеной с башнями, рвом и домами с острокопечными крышами. Уволившись из армии и покинув Штеттин, Христиан Август переехал с семьей в Цербст и посвятил себя заботе о своих двадцати четырех тысячах подданных. Иоганну не очень обрадовало это событие – она стала правительницей маленького, совсем крошечного германско-

го княжества и поселилась в миниатюрном барочном дворце. Несмотря на переписку с императрицей и визиты к более знатым родственникам, ей по-прежнему казалось, будто жизнь проходит мимо.

Затем 1 января 1744 года, когда после службы в часовне замка семья уселась, чтобы отпраздновать наступление нового года, посыльный доставил Иоганне запечатанное письмо. Она немедленно открыла его. Письмо оказалось из Санкт-Петербурга и написано было Отто Брюммером, гофмаршалом при дворе Петера Ульриха, юного герцога Гольштейнского, а ныне наследника российского престола. Брюммер писал:

«По личному поручению Ее Императорского Величества [императрицы Елизаветы] я должен сообщить вам, мадам, что императрица желает, чтобы Ваше Высочество вместе с принцессой, вашей старшей дочерью, приехали в Россию как можно скорее и поселились бы в доме, специально отведенном для вас Императорским двором. Ваше Высочество достаточно умны и должны понять истинную причину желания императрицы увидеть как можно скорее вас, а также вашу дочь принцессу, о которой она хорошо отзывалась. В то же самое время наша несравненная государыня недвусмысленно намекнула мне передать Вашему Высочеству, что Его Высочество князь ни при каких обстоятельствах не должен принимать участия в этом путешествии. У Ее Величества есть на то веские

причины. Полагаю, вы в точности исполните волю нашей божественной императрицы».

В письме Брюммера содержались и другие требования. Он просил, чтобы Иоганна инкогнито доехала до Риги, находившейся на российской границе, и по возможности сохраняла в секрете место своего назначения. Если же каким-либо образом станет известно о том, куда она направляется, принцесса должна объяснить это чувством долга, данью вежливости и желанием лично отблагодарить русскую императрицу за ее щедрость к дому Гольштейнов. Чтобы покрыть расходы Иоганны, Брюммер приложил вексель, в обмен на который она должна была получить десять тысяч рублей в берлинском банке. В письме не указывались истинные причины приглашения, но второе послание, доставленное другим курьером через несколько часов, помогло пролить на них свет. Это оказалось письмо от Фридриха II Прусского, и оно также было адресовано Иоганне:

«Я больше не буду скрывать тот факт, что помимо уважения, которое я всегда питал к вам и к вашей дочери принцессе, я всегда желал устроить судьбу последней наилучшим образом, поэтому меня посетила мысль организовать ее брак с кузеном, великим князем Петром из России».

Строгие указания Брюммера касательно принца Христиана Августа, на которого не распространялось приглашение императрицы, подкрепленные письмом Фридриха, адресо-

ванного лично Иоганне, были весьма унижительными для главы семейства, хотя это звание, по сути, было чисто формальным. Формулировки обоих писем ясно говорили о том, что все вовлеченные в это предприятие лица были уверены: жена сможет преодолеть любые возражения, которые выдвинет ее недалекий супруг не только по поводу отсутствия приглашения, но и касательно остальных аспектов предполагаемого брака. Они боялись, что речь пойдет о требовании к немецкой принцессе отказаться от протестантской веры и принять православие при заключении брака с будущим царем. Все хорошо знали, что Христиан Август – ревностный лютеранин, и опасались, как бы он не начал возражать против смены веры его дочери.

Для Иоганны этот день стал настоящим триумфом. После пятнадцати тягостных лет замужества императрица и король открыли перед ней перспективы, которые помогли бы реализовать все ее чаяния и надежды. Она станет важной особой, серьезным игроком на мировой арене, все важные качества ее личности, которые прежде оставались не востребованными, найдут применения. Она пребывала в эйфории. Шли дни, а в Цербст из России и Берлина летели новые письма. В Санкт-Петербурге Брюммер, подстрекаемый нетерпеливой императрицей, сообщил Елизавете, что Иоганна написала: «Будь у меня крылья, я немедленно прилетела бы в Россию». На самом деле примерно так и обстояло дело. Иоганне понадобилось всего десять дней, чтобы подготовиться к

отъезду.

Пока мать Софии наслаждалась судьбоносным моментом, ее отец сидел, закрывшись у себя в кабинете. Старый солдат всегда знал, как вести себя на поле брани, но не представлял, что ему делать теперь. Он был возмущен тем, что его не пригласили, однако хотел поддержать свою дочь. Ему претила мысль о том, что ее заставят сменить веру, и он с трудом мирился с тем, что Софию увозят так далеко от дома в нестабильную в политическом смысле Россию. Наконец, несмотря на все эти волнения и сомнения, добрый старый солдат понял: у него не осталось выбора, он должен послушаться свою жену и подчиниться приказу короля Фридриха II. Он запер дверь кабинета на ключ и принялся сочинять поучительные советы дочери о том, как вести себя при русском дворе:

«В присутствии императрицы, Ее Величества, выказывай особое почтение великому князю [Петру, ее будущему мужу], относись к нему как к своему владыке, отцу и суверену; кроме того при первой же возможности стремись завоевать заботой и нежностью его доверие и любовь. Твой повелитель и его воля должны стоять выше всех сокровищ и мирских радостей, и ничем ты не должна вызывать его неудовольствие».

Через три дня Иоганна уже отчитывалась перед Фридрихом: «Князь, мой муж, дал письменное согласие. Путешествие, которое представляется весьма опасным в это время года, не пугает меня. Я приняла решение и твердо уверена:

что бы ни случилось, все в руках Божьих».

Князь Христиан был не единственным членом цербстского семейства, чья роль в этом важном предприятии оказалась сугубо второстепенной. Пока Иоганна читала и писала, раздавала приказания и примеряла наряды, София осталась совершенно забытой и заброшенной. Полученные деньги пошли на гардероб ее матери: дочери не досталось ничего. Гардероб Софии, если так можно выразиться, ее приданое состояло из трех старых платьев, дюжины сорочек, нескольких пар чулок и нескольких платков. Ее свадебное постельное белье было сшито из старых простыней матери. Все ее вещи заняли лишь половину маленького сундука, который легко могла бы унести с собой деревенская девушка, если бы ей предстояло выйти замуж за парня из соседнего села.

София уже знала о случившемся. Она мельком взглянула на письмо Брюммера и увидела, что оно пришло из России. Когда мать открывала его, она успела прочесть слова: «вместе с принцессой, вашей старшей дочерью». Последовавшая за этим возбужденная и радостная реакция матери и то, как, перешептываясь о чем-то, ее родители удалились, убедили ее в том, что письмо касалось ее будущего. София знала, как важно выйти замуж, и помнила, в какое волнение пришла ее мать четыре года назад, познакомившись с маленьким герцогом Петером Ульрихом; кроме того, ей было известно, что ее портрет отправили в Россию. Наконец, не в силах больше сдерживать любопытство, она обратилась с вопросом к сво-

ей матери. Иоганна рассказала о содержании писем, а также посвятила ее в некоторые детали. «Она сказала мне, – писала позже Екатерина, – что риск велик, учитывая непростую ситуацию в стране. Я ответила, что Господь обеспечит стабильность, если такова его воля, и что у меня хватит мужества взглянуть опасности в лицо, однако сердце подсказывает мне, что все будет хорошо». Вопрос, так сильно мучивший ее отца и касавшийся смены веры, не особенно тревожил Софию. Ее отношение к религии, как в этом уже убедился пастор Вагнер, было вполне прагматичным.

Всю последнюю неделю, которую она провела в родительском доме, София не сообщала Бабетте Кардель о своем предстоящем отъезде. Родители запретили ей упоминать об этом; они лишь сказали, что вместе с дочерью покидают Цербст, чтобы совершить ежегодную поездку в Берлин. Бабетта, хорошо изучившая характер своей ученицы, видела, что от нее что-то скрывают. Но ученица, со слезами на глазах прощаясь с любимой учительницей, так и не сказала ей правды. Они больше никогда не увиделись.

10 января 1744 года мать, отец и дочь сели в карету и поехали в Берлин, где должны были встретиться с королем Фридрихом. Теперь София испытывала такое же нетерпение, как и ее мать. Это был тот самый побег, о котором она мечтала, ее первый шаг на пути к блестящей судьбе. Она покидала Цербст и направлялась в прусскую столицу без горечи и сожаления. София поцеловала своего девятилетнего

брата Фридриха (Вильгельм – брат, которого она ненавидела, – к тому времени уже умер) и младшую сестру Елизавету. Ее дядя, Георг Людвиг, которого она когда-то целовала и обещала стать его женой, был к тому времени уже забыт. Когда карета выехала за городские ворота на почтовую дорогу, София ни разу не оглянулась. В следующие более чем пятьдесят лет она так и не вернется сюда.

Фридрих II и путешествие в Россию

Когда за три с половиной года до приезда Софии и ее родителей в Берлин двадцативосьмилетний Фридрих II занял прусский трон, Европа представляла собой настоящий клубок интриг и противоречий. Новый монарх обладал просвещенным умом, неугасимой энергией, политической проницательностью и выдающимися, хотя на тот момент еще и не успевшими проявиться, способностями полководца. Когда этот задумчивый любитель философии, литературы и искусства и вместе с тем суровый сторонник государственного устройства по Макиавелли взошел на трон, его маленькое королевство уже было готово к серьезным военным завоеваниям, чтобы расширить свои границы и оставить след в истории Европы. Фридриху лишь оставалось отдать приказ и двинуться в поход.

Ни Европа, ни Пруссия не ожидали подобного. В детстве Фридрих был мечтательным, слабым ребенком, которого отец – король Фридрих Вильгельм I – часто порол за недостаток мужественности. Подростком он носил длинные волнистые волосы до талии и одевался в украшенные вышивкой бархатные камзолы. Он читал французских писателей, сочинял стихи на французском и исполнял камерную музыку на скрипке, клавесине и флейте. (Игра на флейте стала его

увлечением на всю жизнь, он написал более сотни сонат и концертов для флейты.) В двадцать пять он смирился со своей судьбой, стал королем и взял командование над пехотным полком. 31 мая 1740 года он стал Фридрихом II, королем Пруссии. Фридрих не отличался запоминающейся внешностью – при росте пять футов семь дюймов он имел вытянутое лицо, высокий лоб и большие голубые глаза немного навыкате, но ни для кого из окружающих и уж тем более для самого Фридриха это не имело значения. У него не оставалось времени для красивых одежд и прочей безделицы, не было даже формальной коронации. Через шесть месяцев Фридрих неожиданно вверг свое королевство в войну.

Фридрих Прусский унаследовал маленькое государство, расположенное на разрозненных территориях от Рейна до Балтики, с немногочисленным населением и скудными природными ресурсами. В центре находилось курфюршество Бранденбургское, столицей которого был Берлин. На востоке располагалась Восточная Пруссия, отделенная от Бранденбурга землями, принадлежавшими королевству Польскому. На западе было несколько независимых анклавов на Рейне, в Вестфалии, Восточной Фризии и у побережья Северного моря. Но если отсутствие территориальной целостности являлось слабой стороной государства, то имелось у Фридриха и серьезное преимущество. Прусская армия и все ее солдаты до единого считались самыми лучшими в Европе. Восемьдесят три тысячи прекрасно натренированных, профессио-

нальных солдат и кадровых офицеров, а также арсенал самого современного вооружения. Фридрих хотел противопоставить географической разрозненности своей страны несокрушимую военную мощь Пруссии.

Вскоре ему представился благоприятный случай. 20 октября 1740 года через пять месяцев после восхождения Фридриха на прусский трон неожиданно умер император Священной Римской империи Карл VI Австрийский. Карл был последним представителем Габсбургов по мужской линии. У него осталось две дочери, и старшая, Мария Терезия, претендовала на австрийский трон. Фридрих решил воспользоваться этим шансом и немедленно созвал своих генералов. К 28 октября он намеревался захватить провинцию Силезию – одно из богатейших габсбургских владений. Он выдвинул довольно веский аргумент: его собственная армия была готова к войне, в то время как оставшаяся без монарха Австрия оказалась слаба и на грани финансового разорения. Все прочие доводы Фридрих отринул: тот факт, что он торжественно поклялся признать власть Марии Терезии над всеми габсбургскими владениями, не остановил его. Позже, в «Истории моего времени», он искренне признавался, что «амбиции, возможность достичь цели, желание утвердить свою репутацию сыграли решающую роль, и эта война была неизбежной». Он выбрал Силезию, поскольку она была богата в сельскохозяйственном и индустриальном плане, а ее население, которое преимущественно состояло из протестантов,

могло значительно укрепить его маленькое королевство.

16 декабря под промозглым, холодным дождем Фридрих повел тридцать две тысячи своих солдат к границе Силезии. Он практически не встретил сопротивления, кампания больше напоминала оккупацию, чем вторжение. К концу января Фридрих вернулся в Берлин. Однако планируя этот поход, молодой король не учел одного важного момента: характера женщины, которую он сделал своим врагом. Мария Терезия, эрцгерцогиня Австрии и королева Венгрии, имела обманчивую кукольную внешность, голубые глаза и золотистые волосы. В напряженных ситуациях она сохраняла невозмутимое спокойствие, которое некоторые принимали за проявление глупости. Но они заблуждались. Мария Терезия обладала умом, отвагой и силой воли. Когда Фридрих напал и захватил Силезию, в Вене все были буквально парализованы от неожиданности, все, кроме Марии Терезии. Несмотря на то что женщина находилась на позднем сроке беременности, она отреагировала на случившееся бурно и яростно. Мария Терезия собрала деньги, мобилизовала армию и вдохновила своих подданных. В то же самое время она произвела на свет будущего императора Иосифа II. Фридрих был поражен – эта молодая неопытная женщина проявила упорство и отказалась отдавать отнятую у нее провинцию. Еще больше он удивился, когда в апреле австрийская армия, преодолев горы Богемии, снова вошла в Силезию. Прусская армия опять одержала победу над австрийцами, и в результате подписан-

ного впоследствии перемирия Фридрих сохранил за собой Силезию с ее четырнадцатью тысячами милей плодородных фермерских земель, богатыми угольными месторождениями, процветающими городами и населением в 1 500 000 человек, большую часть которых составляли немецкие протестанты. Теперь, в дополнение к подданным, которых Фридрих унаследовал от своего отца, население Пруссии увеличилось до четырех миллионов. Но эти завоевания дорого обошлись ему. Мария Терезия объявила борьбу за габсбургское наследство своим священным долгом. Агрессивная военная политика Фридриха сделала его врагом Марии Терезии на всю жизнь, а прусско-австрийское противостояние продлилось целое столетие.

Несмотря на победу в Силезии, Фридрих оказался в довольно опасном положении. Пруссия оставалась маленькой страной, ее территория была все такой же фрагментарной, а растущая сила вызывала тревогу у могущественных соседей. Две великие империи, каждая из которых была больше и потенциально сильнее Пруссии, могли стать ее врагами. Одной из таких империй была Австрия, управляемая суровой Марией Терезией. Второй – Россия – обширная империя, располагавшаяся к северу и востоку от Пруссии, которой правила недавно коронованная императрица Елизавета. В такой ситуации для Фридриха стало особенно важным подружиться или по крайней мере соблюсти нейтралитет с Россией. Он помнил, что на смертном одре отец предостерегал его от вой-

ны с Россией – она все равно принесет больше потерь, нежели приобретений. Кроме того, Фридрих еще не знал, какие шаги предпримет императрица Елизавета.

Сразу же после того как Елизавета взошла на престол, она поручила решение главных политических вопросов человеку, ненавидевшему Пруссию – новому вице-канцлеру графу Алексею Бестужеву-Рюмину. Бестужев мечтал, чтобы Россия заключила альянс с ведущими морскими державами – Англией и Голландией, а также могущественными государствами Центральной Европы – Австрией, и Саксонией и Польшей. Зная о взглядах Бестужева, Фридрих полагал, что достижению политических соглашений между ним и императрицей мешал только вице-канцлер. Поэтому данную преграду нужно было непременно устранить.

По расчетам Фридриха, некоторые политические хитро-сплетения можно было сгладить, если он примет участие в поисках невесты для пятнадцатилетнего племянника императрицы, которого она сделала своим наследником. За год до этого прусский посол в Санкт-Петербурге сообщил, что Бестужев пытался убедить императрицу выбрать дочь Августа III, курфюрста Саксонии и короля Польши. Этот брак, если бы он состоялся, мог стать критическим моментом в политике вице-канцлера по созданию альянса против Пруссии. Фридрих вознамерился предотвратить брачный союз с саксонской принцессой. Для этого ему нужна была немецкая

принцесса из достаточно знатного рода. Когда императрица Елизавета выбрала Софию, маленькую пешку из княжества Ангальт-Цербстского, Фридриха это устроило как нельзя лучше.

К новому, 1744, году переговоры по этому вопросу достигли критической точки. Настойчивые требования соблюдать секретность и действовать как можно быстрее, изложенные Брюммером в письме Иоганне, а также вновь повторенные в письме Фридриха, были вызваны тем, что Бестужев продолжал давление на императрицу по поводу саксонно-польской принцессы Марианны. Теперь, когда Елизавета выбрала Софию, они с Фридрихом хотели, чтобы гольштейнская принцесса добралась до Санкт-Петербурга как можно скорее. Для Фридриха было важно, чтобы у императрицы не осталось времени изменить свое решение.

Фридрих II хотел поскорее увидеть принцессу из Цербста, чтобы самому оценить, какой прием может быть оказан ей в Санкт-Петербурге. Однако по прибытии в Берлин Иоганна, либо переживая, что София может разочаровать короля в его ожиданиях, либо опасаясь, что Фридрих больше заинтересован в ее дочери, нежели в ней самой, явилась ко двору одна. Когда Фридрих спросил ее о Софии, Иоганна ответила, что ее дочь заболела. На следующий день она снова представила такой же ответ. Когда же от нее потребовали объяснений, она сказала, что ее дочь не может явиться ко двору,

так как у нее нет соответствующего данному месту наряда. Потеряв терпение, Фридрих приказал немедленно передать Софии платье одной из его сестер.

Когда София наконец-то явилась, Фридрих увидел девушку, которую нельзя было назвать ни красавицей, ни дурнушкой, она была одета в платье, не подходившее ей по размеру, без украшений, с ненапудренными волосами. Робость Софии сменилась удивлением, когда девушка узнала, что именно она, а не ее мать или отец будет сидеть за столом с королем. Вслед за удивлением пришел ужас, когда ее усадили рядом с монархом. Фридрих попытался успокоить девушку. Он говорил с ней, как вспоминала позже Екатерина, «об опере, театре, поэзии, танцах, и я сама уже не помню о чем, но, наверное, о тысяче разных пустяков, о которых говорят с четырнадцатилетней девушкой, чтобы развлечь ее». Наконец, обретя уверенность в себе, София смогла остроумно отвечать и позже с гордостью заметила, что «все придворные с изумлением наблюдали, как король ведет беседу с ребенком». Она произвела на Фридриха приятное впечатление. Когда король попросил ее передать блюдо с вареньем другому гостю, то улыбнулся и сказал этому человеку: «Примите дар из рук самой Любви и Грации». Для Софии этот вечер стал настоящим триумфом. А король Фридрих был совершенно искренне восхищен своей соседкой по обеденному столу. Императрице Елизавете он написал: «Маленькая принцесса из Цербста сочетает свойственные ее возрасту ве-

селость и непринужденность с умом и остроумием, которые удивительно было обнаружить у столь юной особы». София в ту пору являлась всего лишь политической пешкой, но Фридрих знал, что когда-нибудь она сможет сыграть более значительную роль. Ей было четырнадцать, ему – тридцать два, это оказалась первая и единственная встреча двух выдающихся монархов. Оба они впоследствии получили титул «великие». И вокруг них на долгие десятилетия будет сосредоточена история Центральной и Восточной Европы.

Несмотря на публичное внимание, которое Фридрих уделит Софии, все дела король вел лично с ее матерью. Фридрих планировал, что в Санкт-Петербурге Иоганна станет неофициальным политическим агентом Пруссии. Таким образом, помимо значительного преимущества в связи с браком Софии и наследника русского трона, он намеревался усилить влияние Пруссии за счет того, что Иоганна будет постоянно находиться подле императрицы. Он информировал ее о Бестужеве и его политике. А также подчеркнул, что вице-канцлер, будучи заклятым врагом Пруссии, сделает все, что в его власти, дабы помешать браку Софии. Поэтому в интересах Иоганны было по возможности ослабить позицию Бестужева.

Королю Фридриху не составило труда разжечь энтузиазм в душе Иоганны. Секретная миссия, которая была ей доверена, грела ее сердце. Теперь она поедет в Россию как второстепенная персона, спутница своей дочери, но тем не менее

как одна из центральных фигур в крупном дипломатическом предприятии, целью которого было свержение вице-канцлера. Эти мысли так вскружили ей голову, что она забыла о благодарности и преданности Елизавете, о которых так часто заявляла, забыла о советах своего строгого провинциального супруга – не участвовать в политических играх, и о подлинной цели своего путешествия – сопроводить дочь в Россию.

В пятницу 16 января София с родителями выехали из Берлина в составе маленькой процессии, состоявшей из четырех экипажей. Согласно инструкциям Брюммера, численность группы, направлявшейся в Россию, была строго ограничена: две принцессы, один офицер, одна придворная дама, две горничные, один лакей и повар. Как и было оговорено, Иоганна путешествовала под вымышленным именем графини Рейнбек. Через пятьдесят миль к востоку от Берлина, в городе Шведт на реке Одер, князь Христиан Август попрощался со своей дочерью. Оба плакали, хотя в тот момент еще не знали, что никогда больше не увидятся. Свои чувства, пусть и в очень официальной форме, София выразила в письме, которое она написала две недели спустя из Кенигсберга (в настоящее время Калининград). София дала обещание, которое непременно доставило ему радость: постараться исполнить его волю и остаться лютеранкой.

«Мой господин, уверяю, что ваши советы и ваши увещевания навсегда останутся в моем сердце, как и

семена святой веры, посеянные в моей душе; я молю Бога дать мне силы выдержать все искушения, которым мне придется подвергнуться <...> Надеюсь обрести утешение от мысли, что оказалась достойной этого, а также рассчитываю получать добрые известия от моего милого Рара. Ваша до конца дней, с глубочайшим уважением, мой господин, скромная, послушная и преданная дочь и слуга Вашего Высочества, София».

Отправляясь в незнакомую страну, благодаря сентиментальным настроениям императрицы, материнским амбициями и интригам короля Пруссии юная девушка окунулась в серьезную авантюру. Когда грусть расставания с отцом прошла, сердце Софии наполнилось волнением. Она не боялась долгого пути или трудностей, связанных с предстоящим браком с юношей, которого она видела лишь однажды четыре года назад. То, что ее будущего мужа считали невежественным и упрямым, что его здоровье было хрупким и он был несчастлив в России, совершенно не волновало Софию. Она ехала в Россию не ради Петера Ульриха. Гораздо больше ее интересовала сама Россия, а также близость к трону Петра Великого.

Даже летом дорога из Берлина в Санкт-Петербург была такой тяжелой, что большинство путешественников предпочитали добираться морем. Зимой же по ней ездили только дипломатические и почтовые кареты, спешившие по срочным поручениям. Однако императрица требовала приехать

как можно скорее, и у Иоганны не было выбора. В тот год к середине января еще не выпал снег, поэтому воспользоваться санями не было никакой возможности. Путешественники весь день тряслись в тяжелых каретах, которые раскачивались и подпрыгивали на замерзших рытвинах. А дувший с Балтики ледяной ветер свистел сквозь трещины в полу и стенах. Мать с дочерью сидели в карете, прижимаясь друг к дружке и кутаясь в тяжелые шубки, их лица закрывали шерстяные маски. У Софии часто так сильно замерзали ноги, что ее выносили из кареты на руках, когда они наконец останавливались на постой.

Фридрих сообщил, что сделал все возможное, дабы облегчить путешествие «графини Рейнбек» и ее дочери, а в немецких городах Данциг и Кенигсберг по его приказу были предоставлены достаточно комфортные условия. После дня, проведенного под скрип колес и щелканье хлыста кучера, путешественников встречали теплые комнаты, кувшины с горячим шоколадом и жареная птица на ужин. Но когда они стали продвигаться дальше на восток по промерзшей дороге, на пути им встречались лишь ветхие почтовые станции, с огромной печью в центре помещения. «Спальные комнаты не отапливались, было ужасно холодно, – писала Иоганна своему мужу, – и нам пришлось остановиться на ночлег в личной комнате почтмейстера, которая мало чем отличается от свинарника<...> Он сам, его жена, сторожевая собака и несколько ребятишек – все лежали вповалку, как капуста и

репка. Мне принесли лавку, на которой я и уснула посреди комнаты». Где спала София, Иоганна не уточняла.

Но на самом деле София, здоровая и любопытная, относилась к происходящему как к большому приключению. Когда они проезжали через Курляндию (в настоящее время Латвия), София могла наблюдать за гигантской кометой, которая в 1744 году озарила темное ночное небо. «Никогда в жизни не видела ничего столь грандиозного, – писала она в своих «Мемуарах». – Казалось, она пролетела так близко над землей». Во время путешествия София заболела. «В последние дни у меня случилось несварение желудка, потому что я выпила все пиво, которое у нас было, – писала она отцу. – Дорогая мама помогла с этим справиться, и я снова чувствую себя хорошо».

Мороз усилился, но снег все не выпадал. С рассвета до наступления темноты путешественники тряслись в карете по изрытой колеями замерзшей дороге. После Мемеля им больше не попадались почтовые станции, и лошадей для смены приходилось брать у крестьян. 6 февраля они добрались до Митау, находившегося на границе Польско-Литовского княжества и Российской империи. Здесь их встретил полковник русской армии, командир пограничного гарнизона. Затем к ним присоединился князь Семен Нарышкин, камергер и бывший посол России в Лондоне, который официально приветствовал их от имени императрицы. Он передал Иоганне письмо от Брюммера, напоминавшего ей, что во время

представления императрице нужно будет выказать ей «особое почтение» и поцеловать государыне руку. На берегу замерзшей реки Двина, протекавшей около Риги, их поджидала делегация, состоявшая из вице-губернатора и администрации города, а также красивая парадная карета, представленная для дальнейшего путешествия. Иоганна писала, что внутри «я обнаружила две великолепные шубы из золотой парчи, подбитые соболем... две муфты из того же меха и покрывало из другого меха, но столь же прекрасное». Когда мать и дочь поехали по обледенелой дороге в город, крепостные пушки дали залп в знак приветствия. В этот момент безвестная графиня Рейнбек превратилась в принцессу Иоганну Ангальт-Цербстскую, мать будущей супруги наследника российского престола.

В Риге путешественники перешли на юлианский календарь, поскольку Россия жила именно по этому календарю, на одиннадцать дней отстававшему от грегорианского, принятого в Западной Европе. И в Риге наконец-то пошел снег. 29 января (9 февраля в Берлине и Цербсте) принцессы покинули Ригу и направились в Санкт-Петербург. Теперь они ехали в чудесных императорских санях – настоящих миниатюрных деревянных домиках на двух полозьях – запряженных десятью лошадьми. Внутри сани были отделаны красной, расшитой золотом и серебром драпировкой, и казались такими просторными, что пассажиры могли спокойно растянуться на позолоченных кроватях с пуховыми перинами

и подушками из золотого атласа. Это было очень удобное средство передвижения, и всю дорогу до Санкт-Петербурга их сопровождал кавалерийский эскорт. 3 февраля они добрались до Зимнего дворца. Их приезд был встречен залпом пушек у Петропавловской крепости, на берегу замерзшей Невы. Почетный караул у дворца отдал им честь, а внутри уже собралась большая толпа людей, одетых в яркую военную форму, шелковые и бархатные платья. Все улыбались и кланялись им.

Императрицы Елизаветы там не было, за две недели до этого она уехала в Москву, но во дворце остались многие придворные и представители дипломатического корпуса, и Елизавета распорядилась, чтобы гостям был оказан по-настоящему императорский прием. Иоганна писала мужу:

«Здесь повсюду такое великолепие, и ко мне относятся с таким почтением <...> словно это сон <...> я обедаю с дамами и кавалерами, которых Ее Императорское Величество определили ко мне в свиту. Со мной обращаются как с королевой <...> когда я иду к обеду, то звук рожков в доме и бой барабанов на улице звучат, словно салют в мою честь <...> Даже не верится, что это происходит со мной бедняжкой, я ведь и барабанный бой до этого слышала от силы несколько раз в жизни».

Разумеется, все это устраивалось не для «бедняжки Иоганны», но пока мать Софии с удовольствием принима-

ла все почести, сама София наблюдала за всем происходящим вокруг несколько отстраненно. На самом деле ее гораздо больше интересовали представления четырнадцати слонов, подаренных императрице персидским шахом. Они показывали различные трюки во внутреннем дворе Зимнего дворца.

Совсем в другом тоне писала Иоганна Фридриху в Берлин, выставляя себя его преданной подданной, действующей в его интересах. Пока немецким принцессам подбирали гардероб для поездки в Москву, Иоганна много общалась с двумя вельможами, которым Фридрих поручил сопровождать ее в России. Барон Мардефельд и французский посол маркиз де Шетарди. Послы снова напомнили ей, что вице-канцлер Бестужев активно выступал против избрания Софии в качестве невесты наследника. Они подчеркивали, что по этой причине его нужно устранить, и рассчитывали на помощь Иоганны. Между тем для того, чтобы Иоганна преподнесла себя в наиболее выгодном свете перед императрицей, они настоятельно рекомендовали ей и ее дочери поскорее отправиться в Москву, дабы успеть на празднование шестнадцатилетия великого князя Петра, которое должно было состояться 10 февраля.

Следуя этому совету, путешественницы выехали в Москву ночью 5 февраля во главе процессии, состоявшей из тридцати саней. На этот раз они быстро мчались по гладкому, хорошо утрамбованному снегу, по дороге, которой зимой поль-

зовалась сама императрица, и без особых сложностей преодолели четыреста миль. Когда они останавливались, чтобы сменить коней, крестьяне перешептывались: «Это невеста великого князя».

На четвертый день в четыре часа дня 9 февраля 1744 года кавалькада добралась до постоянного двора в сорока пяти милях от Москвы. Там путешественницы обнаружили послание от императрицы с требованием отложить въезд в Москву до наступления темноты. Ожидая, они ели рыбный суп, пили кофе и наряжались для представления государыне. София надела розовое шелковое платье, расшитое серебром. Между тем для того, чтобы принцессы могли добраться до Москвы поскорее, в сани вместо обычных десяти впрягли шестнадцать свежих лошадей. Усевшись в сани, они помчались к Москве и добрались до нее около восьми вечера. Они проехали через темный город до Головинского дворца, двор которого был освещен сияющими факелами. Путешествие закончилось. В холле у подножия высокой лестницы стоял Отто Брюммер, который передавал инструкции от императрицы в своих письмах. Он поприветствовал их. У них было совсем немного времени, чтобы обменяться несколькими фразами, снять шубы и привести в порядок платье. Через несколько минут четырнадцатилетняя София уже стояла перед императрицей Елизаветой и ее племянником великим князем Петром. В последующие восемнадцать лет эти двое станут самыми главными людьми в ее жизни.

Императрица Елизавета

Елизавета была яркой личностью, всегда умевшей оказываться в центре внимания. 18 декабря 1709 года ее отец, Петр Великий, выехал на заснеженные улицы Москвы во главе парада по случаю празднования оглушительной победы под Полтавой, одержанной тем же летом над его грозным врагом – шведским королем Карлом XII. Вслед за царем маршировали полки русской императорской гвардии, а за ними – солдаты, которые волочили по снегу триста шведских знамен, захваченных в бою, затем следовала группа взятых в плен шведских генералов и, наконец, длинная колонна из семнадцати тысяч шведских военнопленных – все, что осталось от некогда несокрушимой армии, двумя годами ранее вторгшейся на территорию России.

Неожиданно к царю подъехал офицер и передал ему послание. Петр поднял руку, и процессия замерла. Царь произнес несколько слов и отъехал в сторону. Вскоре после этого царь направил своего взмыленного коня к огромной деревянной усадьбе Коломенское, находившейся неподалеку от Москвы. Он ворвался во дворец, вошел в комнату своей жены и увидел, что она только что разрешилась от бремени. Рядом с ней на кровати лежала новорожденная девочка. Ее нарекли Елизаветой, и тридцать два года спустя она стала

императрицей России.

Елизавета была пятым ребенком, родившимся у Петра и крестьянки, впоследствии ставшей его женой, пятым из двенадцати: шести мальчиков и шести девочек, из которых лишь двое прожили более семи лет. Другим таким ребенком была сестра Елизаветы – Анна, родившаяся годом ранее. Все считали Елизавету и Анну незаконнорожденными – у их отца «не было времени» публично обвенчаться с их матерью, пышущей здоровьем ливонской крестьянкой Мартой Скавронской, получившей в православии имя Екатерины. На самом деле в ноябре 1707 года Петр тайно венчался с Екатериной, но в интересах государства этот брак держался в секрете. В юности Петр уже был женат, и со своей первой женой Евдокией, к которой испытывал сильную неприязнь, развелся и отправил ее в монастырь. В 1707 году, когда шведская армия отправилась в поход на Россию, многие русские, придерживавшиеся традиционных взглядов, были бы потрясены известием о том, что царь обвенчался с неграмотной иностранной крестьянкой. Но через пять лет, когда уже была одержана победа под Полтавой, Петр решил, что ситуация изменилась. 9 февраля 1712 года он повторно венчался с Екатериной, на этот раз устроив официальные торжества. На второй свадьбе две маленькие девочки – Анна и Елизавета, – одной из которых было три, а другой – два года, с украшенными драгоценностями волосами сопровождали свою мать к алтарю.

Петр всегда говорил, что «любил обеих девочек как свою душу». 28 января 1722 года, когда он объявил, что его тринадцатилетняя Елизавета достигла совершеннолетия, она была очаровательной, энергичной и здоровой светловолосой девочкой с голубыми глазами. Всем нравился ее живой задорный нрав, который контрастировал с более спокойным характером старшей сестры Анны, которую Елизавета буквально боготворила. Анна и Елизавета получили образование, достойное европейских принцесс: их обучали иностранным языкам, хорошим манерам, танцам. Они знали французский так же хорошо, как и русский, а Анна, как более прилежная ученица, выучила также итальянский и шведский. Много лет спустя императрица Елизавета вспоминала, как их отец следил за тем, чтобы дочери получили достойное образование. Он часто заходил к ним в комнаты проведать их, спрашивал, что они узнали за этот день. Когда был доволен – хвалил, целовал и дарил подарки. Елизавета вспоминала, как сильно Петр сожалел о том, что в свое время пренебрегал классическим образованием. «Отец часто повторял, – писала она, – что готов отдать палец, лишь бы в его собственном образовании не было бы таких пробелов. Не проходило и дня, чтобы он не сожалел о недостатке своих знаний».

В пятнадцать лет Елизавета была не такой высокой и статной, как ее сестра Анна, однако многие предпочитали эту миловидную, веселую голубоглазую особу ее грациозной и величественной, словно статуя, брюнетке-сестре. Герцог Ли-

ри, испанский посол, с восхищением отзывался о Елизавете: «Я никогда не видел такой красоты. Великолепное сложение, сияющие глаза, изумительный рот, шея и грудь поразительной белизны. У нее высокий рост и милый нрав. Она никогда не сидит на месте. Отличается рассудительностью и учтивостью, которые сочетаются с большим честолюбием». Саксонский посол Лефорт хвалил ее большие блестящие голубые глаза и был покорен ее веселостью и непосредственностью.

В пятнадцать она уже была готова к вступлению в брак. После своего визита в Париж в 1717 году Петр Великий надеялся выдать Елизавету замуж за Людовика XV, который был младше ее на два месяца. Елизавету обучали французскому языку, придворным манерам, а также французской литературе и истории. Кампредон, французский посол в Санкт-Петербурге, полностью поддерживал планы царя. «Принцесса Елизавета необычайно мила, – писал он в Париж. – Можно сказать, что у нее прекрасная фигура, кожа, глаза и руки. Ее недостатки, если таковые существуют, касаются образования и манер, но я уверен, она настолько умна, что с легкостью сможет восполнить этот пробел под руководством профессионального и опытного человека, который будет приставлен к ней, если соглашение будет заключено». Однако, несмотря на рекомендации и обаяние девушки, в Версале не поддержали кандидатуру Елизаветы: ее мать была крестьянкой, к тому же она родилась вне брака. Фран-

ция не хотела, чтобы на троне или подле него находилась незаконнорожденная.

Надежды Петра относительно Елизаветы не оправдались, однако второй его дочери в скором времени предстояло вступить в брак. В 1721 году, когда Елизавете исполнилось двенадцать, а Анне было тринадцать лет, герцог Карл Фридрих Гольштейнский, единственный племянник легендарного противника Петра Великого – шведского короля Карла XII, приехал в Санкт-Петербург. Когда же король Карл умер, герцог был вынужден переехать в Стокгольм в качестве наследника своего покойного дяди.

В России Петр радушно встретил молодого человека, наградив его почетным титулом и назначив пенсию. Позднее для укрепления дальнейших отношений герцог стал посещать российский двор и оказывать Анне знаки внимания. Четыре года спустя, когда Анне исполнилось семнадцать, несмотря на то, что девушка не питала интереса к своему поклоннику, молодые люди были помолвлены. Церемонию вел сам император, который взял кольца жениха и невесты и поменял их. Однако 25 января 1725 года Петр Великий неожиданно умер в возрасте пятидесяти двух лет. Свадьбу Анны отложили, пока ее мать не взошла на трон, став императрицей Екатериной I. 21 мая, через четыре месяца после смерти отца, Анна обвенчалась с Карлом Фридрихом. Ее пятнадцатилетняя сестра присутствовала на церемонии и сопровождала сестру.

Смерть Петра и замужество Анны внесли еще большую сумятицу в и без того запутанный закон о праве на наследование, действовавший в то время в России. Согласно декрету 1722 года, Петр объявил упоминавшееся в Святом Писании древнее, закреплённое традициями правило майората весьма опасной практикой. Прежде все московские князья, а позднее – русские цари передавали право наследования от отца к старшему сыну. Петр заявил, что отныне каждый государь имеет право назначать себе преемника. После этого Петр водрузил корону на голову Екатерины и провозгласил ее императрицей.

Ранняя смерть отца серьезным образом повлияла на дальнейшую судьбу Елизаветы. Перспективы удачного замужества стали для нее довольно туманными. Ее мать все еще надеялась на брачный союз с французским королем, но Людовик XV женился на польской принцессе. Новый зять Елизаветы, герцог Карл Фридрих Гольштейнский, хорошо отзывался о достоинствах своего двадцатилетнего кузена, принца Карла Августа Гольштейнского (который был также братом принцессы Иоганны Ангальт-Цербстской). Екатерина I, которая была в восторге от своего зятя, пригласила еще одного юного гольштейнского дворянина в Россию.

Карл Август приехал в Петербург 16 октября 1726 года и произвел приятное впечатление на императорскую семью. Елизавета смотрела на него как на родственника мужа ее обожаемой старшей сестры и вскоре влюбилась в него. Объя-

явление помолвки было назначено на 6 января 1727 года, однако императрица Екатерина I слегла с простудой и лихорадкой. Церемонию отложили до ее выздоровления. Императрица так и не оправилась, ей становилось все хуже, а в апреле, процарствовав всего двадцать семь месяцев, она умерла. В мае, через месяц после ее смерти, Елизавета решила ускорить предстоящее замужество. Однако 27 мая накануне объявления помолвки ее будущий супруг Карл Август слег в постель. Через несколько часов врачи установили у него оспу. Четыре дня спустя он также умер. Елизавета, чьи мечты о счастливой жизни были разрушены в семнадцать лет, с нежностью вспоминала о нем всю свою жизнь. И хотя ее надежды на законный брак так и не оправдались, это не помешало ей искать утешения с другими мужчинами.

После смерти Екатерины I трон перешел к одиннадцатилетнему внуку Петра Великого, который стал императором Петром II. В июле 1727 года герцог Гольштейнский решил, что задержался в России слишком долго. Он провел детство в Швеции и шесть лет своей зрелой жизни в России, теперь же наследный герцог с большим запозданием стал, наконец, правителем немецкого княжества. Вместе с женой Анной они отправились в Киль, столицу Гольштейна, сохранив щедрую российскую пенсию.

Елизавета осталась наедине со своим горем. За шесть месяцев она потеряла мать и будущего мужа, любимая сестра также покинула ее. Хотя по воле своей матери она стала сле-

дующей после Петра II претенденткой на трон, Елизавета не представляла никакой угрозы для юного царя. Она даже попыталась завоевать его расположение, и вскоре они с племянником – красивым, здоровым и довольно высоким для своего возраста мальчиком, – стали друзьями. Петр восхищался красотой и живым нравом своей тети, ему нравилось, когда она была рядом с ним. В марте 1728 года, когда двор переехал в Москву, Елизавета сопровождала его. Она разделяла страсть юного императора к охоте, они вместе скакали по холмам в окрестностях Москвы. Летом они катались на лодках, зимой – на санях и салазках. Когда Петра не было рядом, Елизавета проводила время в обществе других мужчин. Она признавалась, что «чувствовала себя удовлетворенной, лишь когда была влюблена», и при дворе ходили слухи о том, что она дарила свое расположение юному императору.

Возможно, в глазах всего мира она казалась сумасбродной, но, несмотря на фривольное поведение, у Елизаветы была еще одна страсть. Она отличалась необычайной религиозностью, и минуты безудержного поиска удовольствий нередко сменялись продолжительными молитвами. В благочестивом настроении она могла часами стоять на коленях и молиться в церквях или монастырях. Но после снова с головой окуналась в мирскую жизнь, отвечая на улыбки и взгляды какого-нибудь красивого офицера. Елизавета унаследовала от отца его пылкий, импульсивный темперамент и никогда не сдерживала своих желаний. Согласно некоторым све-

дениям, до достижения двадцатилетнего возраста у нее было шесть юных любовников. Елизавета не стыдилась этого и говорила, что неслучайно родилась красивой и что судьба отняла у нее единственного мужчину, которого она по-настоящему любила.

Власть и ответственность совершенно не интересовали ее. С друзьями, пытавшимися убедить ее в том, что она должна больше думать о будущем, Елизавета старалась больше не общаться. Затем настал момент, когда, казалось, что еще немного, и она займет трон. Ночью, 11 января 1730 года, четырнадцатилетний Петр II неожиданно заболел оспой и умер. Елизавета, которой в ту пору было уже двадцать лет, спала в своих покоях неподалеку. Ее врач-француз Арман Лесток вошел в комнату Елизаветы и сказал, что если она поднимется, явится перед гвардейцами, покажет себя народу и сообщит Сенату о том, что она – новая императрица, победа будет за ней. Елизавета отослала его и снова уснула. К утру возможность была упущена. Императорский Верховный Тайный совет выбрал ее тридцатилетнюю двоюродную сестру Анну Курляндскую императрицей. Нежелание Елизаветы перейти к немедленным действиям, отчасти было продиктовано тем, что она понимала – в случае поражения ее ждал позор, а возможно, и заточение. Более серьезная причина заключалась в том, что она оказалась не готова. Она не хотела власти и не желала жить по правилам, предпочитая оставаться свободной. Елизавета никогда не пожалела

о решении, которое приняла той ночью. Позже она сказала: «Я была еще слишком юной в то время. Я очень рада, что не заявила своих прав на трон, так как была совсем неопытной, и мой народ не смирился бы с этим».

Той ночью Верховный Тайный совет выдвинул Анну Курляндскую, поскольку считал, что она окажется более слабой и послушной правительницей, чем дочь Петра Великого. Анна, покинувшая Россию почти двадцать лет назад в возрасте семнадцати лет вдовой, так и не вышедшая повторно замуж и не имевшая детей, была дочерью тихого, слабовольного сводного брата Петра – Ивана V, одно время правившего вместе с ним. Петр любил Ивана, и когда его незадачливый брат умер, он поклялся позаботиться о его жене и маленьких дочерях. Император сдержал свое слово, и после победы под Полтавой устроил брак своей сводной племянницы семнадцатилетней Анны с девятнадцатилетним Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским. Однако этот брак был недолгим. Петр устроил роскошный свадебный пир, на котором молодожен напился до беспамятства. Когда через несколько дней он покидал Россию, у него начались колики, которые сменились конвульсиями, в результате чего он умер по дороге. Его юная вдова умоляла позволить ей остаться в Санкт-Петербурге с матерью, но Петр настоял на том, чтобы она отправилась в Курляндию, как и надлежало ее положению. Она подчинилась и при финансовой и военной поддержке России стала править герцогством. Двадцать лет спу-

стоя она все еще жила там и правила вместе со своим секретарем-немцем графом Эрнстом Иоганном Бироном, который также являлся ее любовником. Когда императорский Верховный Тайный совет России предложил ей трон, в этом предложении содержалось много оговорок: она не должна была выходить замуж и самостоятельно назначать наследников, совету давалось право регулировать вопросы войны и мира, налогообложения, расхода финансовых средств, жалования поместьями и назначения офицеров, начиная с чина полковников. Анна приняла все эти условия, и весной 1730 года ее короновали в Москве. Затем, получив поддержку гвардейских полков, она порвала документы, которые подписала, и установила единовластие.

Даже став императрицей, Анна по-прежнему с настороженностью относилась к Елизавете. Она опасалась, что ее кузина может представлять для нее угрозу, и поэтому, когда Елизавета явилась засвидетельствовать ей свое почтение, она отвела ее в сторону и сказала: «Сестра, в императорском доме осталось очень мало великих княжон, а потому нам следует жить в сестринском взаимопонимании и гармонии, и я использую всю свою власть для достижения этого». Доброжелательная, открытая реакция Елизаветы на ее слова отчасти убедила императрицу, что ее страхи были сильно преувеличены.

Следующие одиннадцать лет – с двадцати до тридцати одного года – Елизавета прожила при правлении императрицы

Анны. Сначала она должна была посещать все официальные мероприятия при дворе и скромно сидеть подле императрицы. Елизавета старалась соответствовать своему статусу, но это не мешало ей затмевать свою кузину. И не только потому, что Елизавета была единственной уцелевшей дочерью Петра Великого, но и поскольку она являлась признанной красавицей. В конце концов, ей надоела напряженная придворная жизнь, и она удалилась в загородное поместье, где была полностью предоставлена самой себе, а ее поведение и моральный облик не контролировались двором. Прекрасная наездница, она часто каталась верхом в мужском платье, желая показать свои красивые ноги, которые особенно хорошо выглядели в мужских брюках. Елизавета любила русскую природу с ее девственными лесами и бескрайними полями. Ей нравилась жизнь крестьян, она с удовольствием разделяла их увлечения: любила танцевать и петь, собирать грибы летом, кататься на санках и коньках зимой; ей нравилось сидеть у костра, есть жареные орехи и пироги.

Она была молодой незамужней женщиной, ее личная жизнь не ограничивалась правилами или влиянием чьего-либо авторитета, а потому вскоре стала предметом сплетен и, естественно, привлекла к себе внимание императрицы. Анну оскорбляло фривольное поведение Елизаветы, она завидовала ее внешней привлекательности, переживала из-за ее популярности и опасалась предательства со стороны Елизаветы. Истории о выходках Елизаветы возмущали Ан-

ну, и она даже пригрозила запереть ее в монастырь. Со своей стороны, Елизавета понимала, что ее статус постепенно менялся, поскольку ежегодный доход становился все более скудным. Враждебное отношение Анны, прежде завуалированное, теперь стало явным. Когда Елизавета увлеклась молодым сержантом Алексеем Шубиным, императрица сослала его на Камчатку, на берег Тихого океана. Елизавете было велено немедленно вернуться в Санкт-Петербург.

Елизавета подчинилась и поселилась в столице. Тогда она решила познакомиться с солдатами гвардии. Офицеры и солдаты, служившие еще под командованием ее отца и знавшие Елизавету ребенком, были рады увидеть единственного уцелевшего ребенка их героя. Она посещала их в бараках, проводила с ними время, знакомилась с их бытом, привычками, манерой разговаривать как солдат, так и офицеров, льстила им, вспоминала вместе с ними отца, проигрывала им в карты деньги, стала крестной матерью для многих их детей и вскоре окончательно покорила их сердца. Помимо красоты и щедрости, гвардейцы также ценили ее за то, что она была русской. Никто не знал, руководствовалась ли она в то время какими-либо мотивами, строила ли планы. На троне восседала императрица Анна, идея свергнуть ее, вероятно, была очень отдаленной, если таковая вообще существовала. Вполне вероятно, что Елизавета, импульсивная, щедрая и гостеприимная, просто любила людей и хотела, чтобы окружающие восхищались ею. Кроме того, она много гуляла по ули-

цам города. И чем чаще ее видели, тем более популярной она становилась.

По иронии судьбы эта красивая, вызывающая всеобщее восхищение женщина не могла теперь выйти замуж. Она была дочерью и потенциальной наследницей трона Петра Великого, что открывало перед ней блистательные перспективы замужества. Но пока на троне находилась Анна Курляндская, перед Елизаветой стояло непреодолимое препятствие к удачному браку. Ни один из домов Европы не позволил бы своему сыну начать ухаживать за ней, ведь это вызвало бы неодобрение со стороны императрицы Анны. Различное социальное положение исключало возможность замужества Елизаветы с русским дворянином. Опасность заключалась в том, что вступая в брак с человеком более низкого социального статуса, женщина, которая могла бы претендовать на трон, лишалась подобной привилегии.

Поэтому Елизавете пришлось отказаться от мыслей о замужестве и выбрать свободу. Не имея возможности обзавестись мужем дворянской или королевской крови, она довольствовалась солдатом гвардии, кучером или красивым лакеем. Пока, наконец, не появился человек, в которого ей суждено было влюбиться и которому она оставалась предана до конца дней. Как и ее отец, нашедший счастье с крестьянкой, Елизавета отыскала себе избранника довольно скромного происхождения. Однажды утром она услышала низкий, густой бас, певший в хоре придворной часовни. Позже она

узнала, что голос принадлежал высокому черноглазому и черноволосому молодому человеку с обаятельной улыбкой. Он был сыном украинского крестьянина и родился в том же году, что и Елизавета. Его звали Алексей Разумовский. Елизавета тут же сделала его певчим в своей личной часовне. Вскоре ему выделили комнату рядом с ее покоем.

Как фаворит Разумовский был для Елизаветы просто идеален, не только из-за его необычайно привлекательной внешности, но и потому что он оказался действительно достойным, простым человеком, которого все любили за его доброту, спокойный нрав и тактичность. Не обремененный образованием, он не имел никаких амбиций и не вмешивался в политику. Позже Екатерина Великая писала об Алексее Разумовском и его брате Кирилле, что она «не знала ни одной другой семьи, пользовавшейся расположением государыни, которая была бы так популярна в народе, как эти два брата». Елизавета любила его красивое лицо, обходительные манеры, его великолепный голос. Он стал ее любовником и, возможно, после тайного венчания ее морганатическим супругом; между собой придворные называли его «Ночным императором». Взойдя на трон, Елизавета наградила его титулами графа и фельдмаршала. Но когда государыня жаловала его этими титулами, Разумовский ответил: «Ваше Величество наградили меня званием фельдмаршала, но я сомневаюсь, что вы или кто-либо другой смогут сделать из меня хотя бы сносного капитана».

В свои тридцать Елизавета по-прежнему была полна жизни и энергии, особенно в сравнении с аскетичной и внешне непривлекательной императрицей Анной. В некоторых аспектах этот контраст был особенно сильным. Анну окружали немцы, Елизавета была душой и сердцем русская, любила русский язык, русских людей, их обычаи. Хотя она не выказывала притязаний на трон, казалось, что за ее внешним спокойствием скрывалось нечто большее. «На людях она была веселой и непринужденной, и складывалось впечатление, будто вся ее сущность пронизана некоторым легкомыслием, – говорила жена британского посла. – Однако я слышала, как в личной беседе она рассуждала настолько разумно и уверенно, что убедилась – ее поведение на публике было всего лишь притворством».

Будущее Елизаветы вновь оказалось омрачено, когда императрица Анна, бездетная вдова, привезла в Санкт-Петербург свою немецкую племянницу – дочь сестры Екатерины Мекленбургской, и крестила ее в православную веру, после чего та получила имя Анна Леопольдовна. Далее императрица предложила Анне Леопольдовне выйти замуж за Антона Ульриха, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Анна Леопольдовна, влюбленная в другого мужчину, отказалась, но императрица Анна настояла. И весной 1738 года была объявлена помолвка. За месяцы, предшествовавшие браку, Анна Леопольдовна из хорошенькой милой девушки превратилась в угрюмую, молчаливую и несчастную невесту,

до глубины души возмущенную решением тетки. Елизавета, напротив, оставалась все такой же уверенной в себе и очаровательной, а ее красота, пускай уже и не такая свежая, как десять лет назад, по-прежнему изумляла окружающих и вызывала раздражение у императрицы.

В июле 1739 года Анна Леопольдовна вышла замуж на Антона Ульриха, а 24 августа 1740 года произвела на свет сына. Обрадованная императрица Анна настояла на том, чтобы мальчика назвали Иваном в честь ее отца. Но уже через месяц с императрицей случился удар. Немного оправившись, она с лихорадочной поспешностью нарекла новорожденного племянника своим наследником, а его мать Анна Леопольдовна должна была стать регентшей в случае, если мальчик окажется слишком юным, когда взойдет на трон. 16 октября с императрицей случился второй удар. На этот раз врачи объявили ее состояние безнадежным, и в возрасте сорока семи лет она умерла. На следующий день воля императрицы была зачитана публично. Двухмесячного ребенка объявили императором Иоанном VI. Елизавета, которой в ту пору было уже тридцать, и родители ребенка поклялись в верности новому монарху.

Назревал серьезный кризис. Мать младенца, Анна Леопольдовна, смирилась с тем, что ее саму не наградили короной, и приняла титул регентши. Она назначила своего мужа-немца, Антона Ульриха Брауншвейгского, верховным главнокомандующим русской армией, а затем возобновила

отношения со своим любовником — саксонским послом графом Линаром. Оскорбление, нанесенное ее мужу, было публичным: солдаты у всех на глазах не пускали его в покои жены, пока она проводила время с любовником.

Елизавета, дочь Петра Великого и самая близкая наследница по крови, в третий раз оказалась не у дел, но ее это будто не беспокоило. Она не пыталась оспорить авторитет нового регента. Образ жизни у нее остался прежний. Ее часто видели на улицах Санкт-Петербурга, каждый день она прогуливалась по плацу перед находившимися неподалеку от ее дворца бараками, где были размещены солдаты Преображенского полка. Ее поведение стало темой для постоянных обсуждений в среде дипломатов и иностранных гостей столицы. Британский посол писал в Лондон, что Елизавета «необычайно любезна и приветлива, поэтому ее любили, к тому же она стала очень популярной. Кроме того, она имела дополнительное преимущество, являясь дочерью Петра Великого, которого боялись и в то же самое время любили больше всех правителей России <...> Эта любовь распространялась и на его потомков, особенно в сердцах простых людей и солдат».

Сначала отношения между Елизаветой и Анной Леопольдовной были вполне миролюбивыми. Елизавету часто приглашали в Зимний дворец, но вскоре она стала вести довольно замкнутый образ жизни и посещала лишь те церемонии, которые нельзя было пропустить. К февралю 1741 года ре-

гентша приказала установить слежку за Елизаветой, эти меры не остались незамеченными при дворе, а также в дипломатическом корпусе. Летом 1741 года отношения ухудшились. Граф Линар продолжал давить на Анну Леопольдовну, требуя ареста Елизаветы. Елизавету поставили перед еще более жесткими ограничениями. В июле ее расходы серьезно сократили. В начале осени до Елизаветы дошли сведения, будто регентша хотела получить от нее отказ от притязаний на трон. Ходили упорные слухи, что ее силой хотели постричь и отправить в монастырь. Утром 24 ноября доктор Лесток вошел в спальню Елизаветы, разбудил ее и передал бумагу. На одной стороне он нарисовал Елизавету в образе императрицы, сидящей на троне; на другой – монашкой, за спиной которой находились дыба и виселица. «Мадам, – сказал он, – вы должны, наконец, выбрать: либо вы станете императрицей, либо вас сошлют в монастырь, а ваши слуги будут подвергнуты пыткам и убиты». Елизавета решила действовать. В полночь она отправилась к казармам Преображенского полка. Там она сказала:

– Вы знаете, кто я? Хотите следовать за мной?

– Мы готовы! – закричали солдаты. – Мы убьем их всех!

– Нет, – возразила Елизавета, – русская кровь не должна пролиться.

В сопровождении трех сотен военных морозной ночью Елизавета направилась к Зимнему дворцу. Миновав дворцовую стражу, не оказавшую никакого сопротивления, она

проследовала в спальню Анны Леопольдовны, где дотронулась до плеча спящей регентши и сказала: «Сестренка, пора вставать». Понимая, что все потеряно, Анна Леопольдовна умоляла пощадить ее и сына. Елизавета заверила, что никому из членов Брауншвейгского семейства не будет причинен вред. Народу она объявила, что взошла на трон своего отца, что узурпаторы будут арестованы и осуждены за попытки лишить ее права наследования. 25 ноября 1741 года в три часа дня Елизавета снова вошла в Зимний дворец. В возрасте тридцати двух лет дочь Петра Великого провозгласила себя императрицей России.

Став императрицей, первым делом Елизавета наградила всех тех, кто поддерживал ее все эти долгие годы. Продвижение по службе, титулы, дорогие подарки лились как из рога изобилия. Все гвардейцы Преображенского полка, сопровождавшие ее в Зимний дворец, получили повышение. Лесток был назначен ее тайным советником и главным врачом, кроме того, он получил портрет императрицы, украшенный бриллиантами, и солидное жалованье. Разумовский стал графом, придворным казначеем и егермейстером. Назначались и другие тайные советники, появлялись новые графы и многочисленные, инкрустированные драгоценными камнями портреты, табакерки и кольца отдавались в дрожащие от нетерпения руки.

Но самую главную проблему Елизаветы невозможно бы-

ло решить с помощью щедрых подношений. Живой царь, Иоанн VI, по-прежнему оставался в Санкт-Петербурге. Он унаследовал трон в возрасте двух месяцев, а в пятнадцать месяцев был свергнут с него. Он не знал, что был императором, однако все еще оставался помазанником Божиим. Его профиль был растиражирован на монетах по всей стране, во всех русских церквях к нему возносились молитвы. С самого начала Иоанн вызывал тревогу у Елизаветы. Сначала она намеревалась выслать его вместе с родителями за границы империи, ради этого она отправила семейство в Ригу, которая должна была стать первым пунктом их путешествия на Запад. Однако когда они добрались до Риги, Елизавета передумала: возможно, гораздо безопаснее будет содержать ее маленького, опасного пленника под надежной охраной в пределах страны. Ребенка забрали у родителей и объявили тайным государственным преступником – статус, который он носил оставшийся двадцать один год своей жизни. Его перевозили из одной тюрьмы в другую: Елизавета опасалась, что в любой момент может быть предпринята попытка освободить его и возвести на трон. Но вскоре решение назрело само по себе: чтобы сохранить Ивану жизнь, но при этом обезвредить его, нужно было найти нового наследника трона, последователя Елизаветы, который станет якорем ее будущей династии и которого будут знать в России и во всем мире. К тому времени Елизавета уже знала, что сама не сможет произвести на свет такого наследника. У нее не было законного мужа,

она опоздала, и найти подходящую кандидатуру уже не представлялось возможным. Более того, несмотря на ее беззаботные молодые годы, не сохранилось ни одного достоверного упоминания о ее беременностях. Поэтому ее наследником должен был стать сын от другой женщины. И такой мальчик существовал: сын ее любимой сестры Анны, внук ее легендарного отца, Петра Великого. Наследником, которого она привезет в Россию, воспитает и объявит будущим императором России, стал четырнадцатилетний юноша из Гольштейна.

Сотворение Великого князя

Никого Елизавета не любила так сильно, как свою сестру Анну. Подобно младшей из двух сестер, чья красота и веселый нрав вдохновляли на восторженные описания, старшая также не была обделена вниманием восхищенных почитателей. «Не думаю, что в Европе есть принцесса, способная соперничать с принцессой Анной в ее царственной красоте, – писал барон Мардефельд, прусский посол, находившийся в Санкт-Петербурге. – У нее черные волосы, но кожа ее отличается яркой, почти неестественной белизной. Черты ее лица так совершенны, что самый талантливый художник, оценивая их по строгим классическим стандартам, пришел бы в восторг. Даже когда она молчит, в ее больших, прекрасных глазах отражается вся доброта и щедрость ее души. В ее поведении нет притворства и жеманности, чаще она бывает серьезной, нежели веселой. С юных лет она старалась развивать свой ум <...> она в совершенстве владеет французским и немецким».

Анна прожила намного меньше, чем Елизавета. В семнадцать она вышла за Карла Фридриха, герцога Гольштейнско-го, молодого человека с хорошими перспективами и скромными возможностями. Он был единственным сыном Гедвиги Софии, сестры легендарного шведского короля Карла XII,

и Фридриха VI, герцога Гольштейна, погибшего в сражении с армией короля Карла. Получив образование в Швеции, он имел все основания полагать, что его бездетный дядя Карл XII сделает его своим наследником. Когда Карл умер и Фредерик, принц Гессенский, получил шведский трон, отвергнутый девятнадцатилетний Карл Фридрих уехал в Санкт-Петербург просить защиты у Петра Великого. Царь принял герцога, претендовавшего на шведскую корону и служившего полезным орудием в политической игре.

Герцог, чьи амбиции значительно превосходили возможности, вскоре после приезда в Россию стал добиваться руки одной из дочерей императора. Петр был против подобного брачного союза, но его жене Екатерине герцог понравился, и она убедила свою дочь Анну, что он являлся хорошей партией. Царевна уступила уговорам, и было принято решение объявить об их помолвке.

В январе 1725 года Петр Великий слег и уже не смог справиться с болезнью. На смертном одре он очнулся от бреда и закричал: «Где моя маленькая Анна? Я должен увидеть ее!» Привели его дочь, но прежде чем она успела войти в комнату отца, тот снова впал в беспамятство и больше не приходил в себя. Помолвку и свадьбу отложили, но ненадолго. 21 мая 1725 года Анна вышла замуж за герцога.

Во время короткого правления матери Анна и ее муж жили в Санкт-Петербурге. Когда Екатерина умерла в 1727 году, герцог и его жена покинули Россию и отправились в Гольш-

тейн. Анна сожалела, что ей пришлось покинуть сестру Елизавету, но она была рада тому, что забеременела. 21 февраля 1728 года через шесть месяцев после прибытия в Гольштейн она родила сына, которого на следующий день крестили в лютеранской церкви в Киле. Ребенка нарекли Карлом Петером Ульрихом, все три имени указывали на его происхождение: «Карл» – в честь его отца, а также его великого дяди Карла XII; «Петр» – в честь его дедушки Петра Великого; а «Ульрих» – в честь Ульрики, правящей королевы Швеции.

Пока Анна приходила в себя после родов, в честь нового принца был дан бал. На дворе стоял февраль, но, несмотря на сырость и мороз, счастливая девятнадцатилетняя мать настояла на том, что будет у открытого окна наблюдать за фейерверком, который устроили после бала. Когда придворные дамы запротестовали, она рассмеялась и сказала: «Не забывайте, что я – русская и привыкла к подобному климату». Однако Анна подхватила простуду, которая привела к осложнению туберкулезом, и через три месяца после рождения сына она умерла. В своем завещании Анна просила похоронить ее рядом с отцом, и вскоре прибыл русский фрегат, чтобы отвезти ее тело через Балтийское море в Санкт-Петербург.

После смерти Анны Карл Фридрих скорбел не только из-за потери юной жены, но также из-за того, что золотой поток, поступавший в Киль из царской казны в Санкт-Петербурге, теперь мог иссякнуть. Расходы герцога были довольно

высоки. Он содержал большое количество слуг и целый отряд безвкусно разряженной стражи, оправдывая это тем, что он до сих пор считал себя наследником шведской короны. Всецело поглощенный своими тревогами, Карл Фридрих мало интересовался своим маленьким сыном. Заботу о мальчике поручили нянькам, а затем, когда ему исполнилось семь, французским гувернерам, которые научили его сносно говорить по-французски, хотя он всегда предпочитал свой родной, немецкий язык. В семь лет Петр начал проходить военную подготовку: учился стоять прямо, как караульный на посту, маршировать с миниатюрной саблей или мушкетом. Вскоре он проникся строгостью военной муштры. Во время занятий с учителем он мог вскочить и подбежать к окну, чтобы посмотреть на солдат, марширующих на плацу. Особенно счастливым он чувствовал себя, когда сам участвовал в парадах в форме солдата. Но Петр не отличался выносливостью. Он часто болел и тогда сидел в своей комнате, выстраивая на парад своих игрушечных солдатиков. Наконец, отец обратил на него внимание. Однажды Петр, достигший к девятилетнему возрасту чина сержанта, нес караул у дверей в комнату, где герцог обедал со своими офицерами. Когда подали еду, голодный мальчик не сводил взгляда с блюд, которые проносили мимо него. Затем, когда подали вторые блюда, его отец встал и подвел его к столу, где торжественно объявил о присвоении сыну чина лейтенанта, после чего пригласил сесть за стол с офицерами. Годы спустя, уже в России, Петр вспо-

минал, что «это был самый счастливый день в моей жизни».

Образование Петра по большей части было бессистемным. Он отлично владел шведским и французским и учился переводить с этих языков на немецкий. Он любил музыку, хотя его интерес в этой сфере не находил поощрения. Ему нравилась скрипка, но он так и не научился должным образом играть на этом инструменте. Мальчик упражнялся самостоятельно, как умел – играл свои любимые мелодии и мучил слух окружающих.

В детстве перспективы Петра были весьма разнообразны. Он должен был унаследовать от отца герцогство Гольштейнское, а также его право на трон Швеции. По материнской линии он был единственным наследником мужского пола Петра Великого и, таким образом, являлся потенциальным претендентом на русский престол. Но после смерти его кузена царя Петра II Русский императорский совет проигнорировал притязания маленького гольштейнского принца, так же как и дочери Петра Елизаветы, и избрал на российский престол Анну Курляндскую. Гольштейнский двор, питавший большие надежды на связи маленького Петра с Россией, отреагировал с большой горечью. Вскоре после этого в Киле Россию стали высмеивать в присутствии мальчика как страну варваров.

Эти заманчивые перспективы предъявляли слишком высокие требования к маленькому Петру. Казалось, природа сыграла с ним злую шутку: ребенок, имевший близкую кров-

ную связь с двумя могущественными соперниками в Великой Северной войне – он был внуком Петра, отличавшегося неукротимой энергией, и внучатым племянником непобедимого Карла, величайшего солдата своего времени, – оказался слабым, вялым и болезненным мальчиком, с выпученными глазами и провалившимся подбородком. Жизнь, которую ему приходилось вести, давивший на него груз ответственности оказались слишком тяжелым бременем. Под чужим руководством он безукоризненно исполнял бы свой долг. Он с удовольствием командовал бы полком. Но руководить целой империей или даже небольшим княжеством было ему не по силам.

Когда в 1739 году умер его отец, Петру было одиннадцать лет. Мальчик стал, пусть и формально, герцогом Гольштейнским. Вместе с герцогством сыну перешло право наследования шведской короны. Его дядя принц Адольф Фридрих Гольштейнский, лютеранский епископ в Эйтине, был назначен его наставником. Ожидалось, что епископ окружит заботой и опекой вверенного ему мальчика, который имел все основания претендовать на два трона, но Адольф, человек добродушный и ленивый, старательно уклонялся от своих обязанностей. Эта задача была поручена офицерам и наставникам, работавшим под командованием гофмаршала герцогского двора, бывшего кавалерийского офицера Отто Брюммера. Грубый, вспыльчивый сторонник строгой дисци-

плины обращался с юным правителем безо всякой жалости; учитель французского заметил, что Брюммер скорее «способен дрессировать лошадей, нежели воспитывать принца». Брюммер жестоко обращался с вверенным ему мальчиком: наказания, насмешки, публичные унижения и ограничения в еде – были его основными методами воспитания. Когда юный принц плохо выполнял уроки, что случалось довольно часто, Брюммер появлялся в столовой, где обедал принц, и угрожал, что накажет его, как только тот закончит обедать. Напуганный мальчик не мог продолжать трапезу, его тошнило, и он выбегал из-за стола. После этого наставник приказывал не давать ему еды весь следующий день. Все это время голодный ребенок должен был в обеденное время стоять у дверей с изображением осла, висевшим у него на шее, и смотреть, как едят его придворные. Брюммер часто порол мальчика розгами или хлыстом и заставлял часами стоять на сухом горохе мокрыми коленями, пока они не краснели и не распухали. Жестокость, которую так часто применял по отношению к нему Брюммер, привела к тому, что Петр превратился в неуравновешенного ребенка с нарушенной психикой. Он стал пугливым, лживым, озлобленным, хвастливым, трусливым, двуличным и жестоким. Он дружил лишь со слугами самого низкого положения, которых ему позволяли бить. Кроме того, он мучил животных.

Бессмысленная строгость Брюммера, его склонность к издевательствам над ребенком, который однажды мог стать

королем Швеции или императором России, не поддавались объяснению. Если он надеялся жестоким обращением закалить характер мальчика, то результат оказался прямо противоположным. Жизнь Петра была очень тяжелой. Его ум восставал против любой попытки вбить в него знания или покорность посредством телесных наказаний или унижений. Отто Брюммер стал самым главным чудовищем за всю несчастливую жизнь Петра. Травмы, нанесенные его воспитанием, сказались на дальнейшей судьбе мальчика.

Незадолго до тринадцатилетия жизнь Петра круто изменилась. Ночью 6 декабря 1741 года его тетя Елизавета положила конец правлению маленького царя Иоанна VI и регентству его матери Анны Леопольдовны. Взойдя на трон, новая императрица первым делом вызвала к себе племянника Петра – своего единственного уцелевшего родственника мужского пола, которого она намеревалась сделать своим преемником. Приказ Елизаветы был исполнен, и ее племянника привезли из Киля в Санкт-Петербург. Елизавета ни с кем не советовалась и никому не говорила о своих намерениях до тех пор, пока мальчик не оказался в безопасности рядом с ней. Дипломаты, которым пришлось объяснять своим государям ее поведение, придумали следующие обоснования: они ссылались на угрозу, исходившую от сторонников Иоанна VI, а также отмечали привязанность Елизаветы к ее покойной сестре Анне. Упоминали они и о другом, менее благородном мотиве – чувстве самосохранения. Пока Иван

находился под стражей, Петр являлся единственным соперником Елизаветы. Если бы он остался в Гольштейне и его притязания поддерживали иностранные государства, это стало бы угрозой для Елизаветы. Но сделав его великим князем в России и предоставив ему возможность жить под ее присмотром, она могла полностью контролировать его поведение.

Что касалось самого Петра, то совершенный Елизаветой переворот полностью изменил и его жизнь. К четырнадцати годам он покинул замок в Киле и родной Гольштейн, формальным правителем которого по-прежнему оставался, и вместе со своим мучителем Брюммером отправился в Санкт-Петербург. Его отъезд из Гольштейна был внезапным и поспешным и даже напоминал похищение – Петр в течение трех дней не знал, куда его везут, пока они не добрались до границы. Петр приехал в Санкт-Петербург в начале января 1743 года. В Зимнем дворце ему оказали теплый прием: императрица обняла его, прослезилась и пообещала заботиться о единственном ребенке своей сестры как о своем собственном.

До этого момента Елизавета никогда не видела Петра. Когда же она хорошенько рассмотрела его, то увидела примерно то же самое, что и София четырьмя годами ранее. Он был все таким же странным маленьким созданием: слишком низкого для своего возраста роста, бледным, худым, нескладным, с жидкими светлыми волосами до плеч. Стараясь про-

демонстрировать императрице свое почтение, он расправил свое тщедушное тельце и постарался стоять прямо, как деревянный солдатик. Когда Елизавета заговорила с ним, Петр писклявым, еще не успевшим огрубеть голосом ответил на смеси французского и немецкого.

Удивленная и разочарованная внешностью подростка, Елизавета еще больше была потрясена его невежеством. Сама она никогда не была прилежной ученицей и считала вредным для здоровья чрезмерное увлечение книгами, предполагая, что именно они стали причиной столь ранней смерти ее сестры. Тем не менее она наняла профессора Штелина – добродушного саксонца из Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и поручила ему обучение Петра. Представляя Штелина мальчику, она сказала: «Я вижу, что Вашему Высочеству нужно еще многое узнать, и месье Штелин будет обучать вас в столь приятной манере, что его уроки покажутся вам истинным развлечением». После этого Штелин начал экзаменовать нового ученика, и почти сразу же стало ясно – мальчик невежественен практически во всех областях знаний. Штелин узнал, что его ученик отличался чересчур детским для своего возраста поведением, он непоседлив и с трудом мог сосредоточить свое внимание. Тем не менее он питал огромный интерес ко всему, что касалось солдат и войны. По приезде в Россию Елизавета сделала его подполковником Преображенского полка, самого главного полка в русской императорской гвардии. На Петра это не произве-

ло особого впечатления. Он презрительно фыркнул, посмотрев на свободную, бутылочно-зеленую форму русских солдат, так сильно отличавшуюся от синей, плотно облегающей формы пруссаков и гольштейнцев.

Штелин, как мог, старался адаптировать учебный материал и упрощал его. Он рассказывал ученику историю России с помощью карт и картинок, показывал ему коллекции старых монет и медалей из художественной галереи. Он дал Петру представление о географии страны, которой однажды он будет править, показав ему огромный фолиант с картами, на которых были изображены крепости империи от Риги до Турции и китайских границ. Чтобы расширить знания ученика, он зачитывал ему выдержки из дипломатических депеш и иностранных газет, используя карты и глобус, чтобы показать, где происходило то или иное событие. Он учил его геометрии и механике в процессе изготовления макетов; естествознанию – гуляя с Петром по дворцовым садам и рассказывая о различных видах растений, деревьев, цветов; архитектуре – водя его по дворцу и повествуя о том, как он был спроектирован и построен. Поскольку мальчик не мог сидеть спокойно и слушать своего учителя, почти все занятия учитель и его ученик прохаживались рядом. Обучение Петра танцам, – науке, абсолютно неподвластной Штелину, но весьма любимой самой императрицей, – окончилось громким провалом. Елизавета прекрасно танцевала и требовала от своего племянника старательно тренироваться в исполне-

нии менуэтов и кадрилией. Четыре раза в неделю в комнату Петра приходил скрипач и учитель танцев, и мальчика заставляли немедленно бросать все дела. Результат был удручающим. За всю свою жизнь Петр так и не научился танцевать и выглядел во время балов очень смешно.

В течение трех лет Штелин выполнял свои обязанности. Если ему в чем-то и не удалось преуспеть, его вины в этом не было: вред был нанесен ранее, когда у его ученика практически уничтожили интерес к обучению. Жизнь для Петра казалась гнетущей чередой инструкций для выполнения заданий, которые ему были совершенно неинтересны. В своем дневнике Штелин писал, что его ученик был «абсолютно легкомысленным» и «совершенно неуправляемым». Тем не менее Штелин оказался единственным человеком за все юные годы Петра, который пытался понять мальчика и обращался с ним рассудительно и с сочувствием. Хотя Петр мало чему научился, он поддерживал дружеские отношения со своим наставником всю свою жизнь.

В течение первого года в России деликатное здоровье Петра сильно влияло на его обучение. В октябре 1743 года Штелин писал: «Он очень слаб и утратил интерес ко всему, что доставляло ему радость, даже к музыке». Однажды в субботу, когда в прихожей великого князя заиграла музыка и кастрат стал исполнять любимую арию Петра, мальчик, лежавший с закрытыми глазами, едва слышно прошептал: «Когда же они перестанут играть?» Елизавета подбежала к нему и

расплакалась.

Но даже у здорового Петра возникало немало проблем. У него не было друзей среди сверстников. А Брюммер, которого Елизавета плохо знала и совершенно не понимала, всегда находился подле него. Нервы мальчика, ослабленные после болезни, получили дополнительный удар из-за жестокого обращения Брюммера. Штелин писал, что однажды Брюммер набросился на юного князя и стал бить его кулаками. Когда Штелин вмешался, Петр подбежал к окну и позвал стражу, находившуюся во внутреннем дворе. Затем он убежал в свою комнату и вернулся со шпагой, которую направил на Брюммера. «В последний раз ты позволил себе подобную дерзость! Еще раз посмеешь поднять на меня руку, и я проткну тебя насквозь!» Тем не менее императрица позволила Брюммеру остаться. Петр понял, что даже после переезда в Россию он не сможет избавиться от тяжелого груза обязанностей. Более того, его положение ухудшилось: каким бы несчастным он ни был в Киле с Брюммером, там был его родной дом.

Елизавета была удручена отсутствием видимого прогресса в обучении племянника. Нетерпеливая от природы, женщина хотела положительных результатов, ее постоянно мучила тревога из-за Иоанна VI, и это заставляло императрицу сильнее давить на Петра и его учителей. Почему, спрашивала она себя, ее племянник оказался столь трудным, бесталанным ребенком? Разумеется, вскоре все изменится. Иногда,

пытаясь успокоиться и убедить себя, что все хорошо, Елизавета преувеличивала успехи племянника. «Не могу выразить словами ту радость, которую чувствую, когда вижу, с какой пользой для дела ты проводишь время», – говорила она. Но месяцы шли, никаких улучшений не было видно, и ее надежды постепенно улетучивались.

Особенно Елизавету огорчала открытая неприязнь ко всему русскому, которую демонстрировал ее племянник. Она пригласила наставников, чтобы те обучали его русскому языку и православной религии, и оплачивала сверхурочные учителям и священникам, дабы убедиться, что эти уроки не пропали даром. Изучая теологию по два часа в день, он научился быстро проговаривать выдержки из православных догматов, но ненавидел новую религию и испытывал отвращение к бородатым священникам. Прусскому и австрийскому послам он говорил с большой долей цинизма: «Священникам обещано слишком многое, только эти обещания вряд ли возможно сдержать». Примерно так же он относился и к русскому языку. Он посещал уроки, но ненавидел этот язык и даже не пытался говорить на нем правильно. По возможности он окружал себя гольштейнскими подданными и говорил с ними только на немецком.

Но истинные проблемы Петра были намного глубже его цинизма и неприятия нового окружения. Трудность заключалась не в том, чтобы овладеть русским языком: при наличии достаточного времени он смог бы изучить его и говорить

на нем в совершенстве. За каждым заданием, которое ставили перед ним учителя, возвышалось более серьезное препятствие: перспектива унаследовать российский трон. Именно против этого своего будущего так бунтовал Петр. Он не имел ни малейшей заинтересованности в управлении обширной и, как ему казалось, примитивной иностранной империей. Он скучал по Германии и Гольштейну. Тосковал по простой, незатейливой жизни в Киле, с его простыми бараками, униформой и барабанным боем, где все его существование было подчинено выполнению приказов. Выбрав будущее правителя величайшей империи, он оставался в душе маленьким гольштейнским солдатом. Его героем был не великий русский дедушка, а идол всех немецких солдат – король Пруссии Фридрих.

И все же императрица добила своего. 18 ноября 1742 года в дворцовой церкви в Кремле Петр Карл Ульрих был крещен в православную веру под русским именем Петр Федорович. Фамилия Романовых должна была стереть всякие следы его лютеранского происхождения. Императрица Елизавета официально объявила его наследником русского трона, возвела в титул императорского высочества и присвоила ему звание великого князя. Петр по памяти произнес речь на русском, пообещал отрицать все, что противоречило учениям православной церкви, после чего, по окончании службы, собравшиеся в церкви придворные принесли ему клятву верности. Во время церемонии и последовавшего за ней приема

Петр не скрывал своего угрюмого расположения духа: иностранные послы, заметив его настроение, сделали вывод, что «судя по привычному для него капризному тону в общении, можно заключить, что он вряд ли превратится в религиозного фанатика». Однако Елизавета отказывалась замечать эти недобрые знаки. По крайней мере в тот день. Когда Петра крестили, она разрыдалась. Позже, после того как новый великий князь вернулся в свои покои, он обнаружил там вексель на триста тысяч рублей.

Несмотря на страстное выражение эмоций, Елизавета до сих пор не доверяла племяннику. Стремясь сделать его обязательства перед Россией нерушимыми и исключить всякую возможность отъезда из страны, она ликвидировала его притязания на шведский трон, заключив российско-шведский договор, согласно которому права на шведский престол переходили от ее племянника к его бывшему наставнику, брату Иоганны, Адольфу Фридриху Гольштейнскому, епископу Любека. Епископ становился наследником шведского трона вместо Петра.

Чем более очевидным становился тот факт, что Петр глубоко несчастен в России, тем больше усиливались тревоги Елизаветы. Она устранила с трона германскую ветвь своей семьи лишь для того, чтобы затем выбрать наследника, который был еще в большей степени немцем, чем его предшественники. Она старалась привить Петру любовь ко всему русскому, однако его идеи, вкусы, предрассудки и взгляды

оставались сугубо немецкими. Елизавета была горько разочарована, но ей приходилось мириться с этим. Она не могла отослать его обратно в Гольштейн. Петр – ее ближайший родственник, который недавно принял православие и был объявлен ее наследником. Теперь он стал надеждой династии Романовых. И когда в октябре 1743 года он серьезно заболел и не вставал с постели до середины ноября, Елизавета поняла, как сильно нуждалась в нем.

Слабое здоровье Петра побудило Елизавету к дальнейшим действиям. Она всегда беспокоилась, что он может умереть. И что будет потом? Решением – самым лучшим и, возможно, единственным – стало найти ему жену. Петру было пятнадцать лет, и присутствие молодой здоровой жены могло помочь ему быстрее возмужать и выполнить свой великий долг – произвести на свет нового наследника, ребенка более жизнеспособного, чем отец, который в крайнем случае сможет унаследовать трон. Елизавета решила действовать незамедлительно: жену нужно было найти как можно скорее, чтобы успел родиться наследник. Поэтому императрица так торопилась выбрать невесту для Петра, поэтому срочные депеши, которые от ее имени Брюммер писал Иоганне в Цербст, имели следующее содержание: «Приезжайте в Россию! Привезите вашу дочь! Спешите! Спешите! Спешите!»

Встреча с Елизаветой и Петром

Пока София и ее мать ждали императрицу, внезапно появился Петр. «Я больше не мог ждать!» – заявил он по-немецки и широко улыбнулся. Его энтузиазм казался искренним, и София с матерью были довольны. Он стоял перед ними, немного нервничая и переминаясь с ноги на ногу, а София внимательно рассматривала своего будущего мужа, которого видела лишь однажды, когда мальчику было всего одиннадцать лет. Теперь, в пятнадцать, он по-прежнему был необычайно низким и худым, а черты его лица, бледная кожа, большой рот, провалившийся подбородок – не особенно изменились за эти годы. Оказанный им теплый прием можно было объяснить тем, что София была его кузиной, примерно того же возраста, что и он сам. Петр мог говорить с ней по-немецки, она понимала его и сама была из той среды, что и он. Возможно, Петр надеялся, что маленькая кузина станет его союзницей, и они вместе будут сопротивляться тем требованиям, которые предъявляла к нему Россия. Расхаживая по комнате и ни на минуту не закрывая рта, он остановился лишь тогда, когда появился доктор Лесток и объявил, что императрица готова принять их. Петр предложил руку Иоганне, фрейлина императрицы взяла под руку Софию, и они проследовали по освещенным свечами коридорам, на-

полненным людьми, которые кланялись им и делали реверансы. Наконец, они оказались на пороге императорских покоев. Двойные двери распахнулись, и перед ними возникла Елизавета, императрица всея Руси.

София и ее мать были потрясены. Елизавета оказалась высокой, полной, величественной женщиной. У нее были большие, блестящие голубые глаза, широкий лоб, пухлые красные губы, белые зубы и гладкая, светло-розовая кожа. Ее волосы, от природы светлые, были покрашены в глубокий черный цвет. На ней было роскошное, сшитое из серебряной парчи и отделанное золотым кружевом платье с широкой юбкой на обручах, а в волосах, на шее и на пышной груди сияли бриллианты. Эффект, который произвела эта женщина, стоявшая перед ними в сиянии серебра, золотой вышивки и драгоценностей, был невероятно силен. Но самой яркой деталью, которую София запомнила на всю жизнь, оказалось закрепленное в волосах императрицы черное перо, изогнутое и закрывавшее часть ее лица.

Иоганна помнила совет Брюммера поцеловать Елизавету руку и поблагодарить за оказанную ей и ее дочери честь. Елизавета обняла ее и сказала: «Все, что я сделала для вас прежде, не идет в сравнение с тем, что я могу сделать для вашей семьи в будущем. Вы для меня как родные!» Когда Елизавета повернулась к Софии, четырнадцатилетняя девушка нагнулась и сделала реверанс. Елизавета улыбнулась и отметила про себя свежесть девушки и ее рассудительность, а

также сдержанность и кротость ее манер. София между тем сделала свои выводы и тридцать лет спустя написала: «Увидев ее в первый раз, невозможно было не испытать потрясения от ее красоты и царственности ее манер». В этой женщине, усыпанной драгоценностями и буквально излучающей уверенность и силу, она увидела воплощение того, кем сама надеялась однажды стать.

На следующий день отмечали шестнадцатилетие Петра. Императрица появилась в коричневом платье, шитом серебром, «с головой, шеей и грудью, украшенными драгоценностями». Она представила мать с дочерью к ордену Святой Екатерины. Алексей Разумовский в костюме обер-егермейстера принес ленты и регалии ордена на золотом блюде. Когда он приблизился, София сделала еще одно наблюдение: Разумовский, официальный любовник императрицы, «Ночной император», был, по словам Софии: «одним из самых красивых мужчин, каких я только видела в моей жизни». И снова Елизавета была в благостном расположении духа. Широко улыбнувшись, она подозвала к себе Софию и Иоганну и повесила им ленты с орденами на шеи.

Императрица относилась к Софии и Иоганне с теплотой, которая имела под собой основания более глубокие, нежели просто желание заключить политический брак. У Елизаветы не было детей. За два года до этого она взяла на воспитание сына своей сестры, Петра, привезла его в Россию, сделала своим наследником. Но Петр не отвечал взаимностью на ту

материнскую любовь, которую пыталась ему дать Елизавета. Теперь она выбрала для него невесту, племянницу человека, которого любила. Императрица России, одинокая на своем троне, надеялась создать для себя семью.

Иоганна восприняла любезность императрицы как одно из доказательств своей личной победы. Она находилась в центре блистательного двора, ей оказывала честь государыня, славившаяся своей щедростью. Матери с дочерью предоставили собственный дом с камергером, фрейлинами и слугами. «Мы живем как королевы, – писала своему мужу Иоганна. – Здесь все украшено позолотой. Просто чудо! И у нас восхитительный выезд».

Иоганна хотела поскорее достичь желанной цели и воспользоваться предоставленными им с дочерью благами. Что же касалось более интимных моментов предстоящего замужества, а также своих обязанностей дать дочери полезные советы относительно брака, то тридцатидвухлетняя мать не особенно об этом задумывалась. В конце концов, никто не думал о ее чувствах, когда ее выдали замуж за человека вдвое старше. Она мало знала о характере будущего жениха, ей было достаточно того, что он станет императором. Если бы Иоганна и задала себе вопрос о том, сможет ли возникнуть романтическая страсть между двумя подростками, то в ответ она лишь пожала бы плечами. При заключении браков королевских особ такой вопрос не имеет значения. Иоганна знала об этом, а София чувствовала на уровне интуиции.

Единственным человеком, который все еще верил в любовь и надеялся, что страсть и политический интерес скрепят этот союз, оставалась Елизавета.

София позже вспоминала о Петре, что «в течение этого короткого промежутка времени я увидела и поняла: он не очень ценит народ, над которым ему суждено было царствовать, он держался лютеранства, не любил своих приближенных и был очень ребячлив. Я молчала и слушала, чем снискала его доверие».

Что думал Петр о Софии и их предстоящем браке? Достоверно известно, что в ночь их прибытия он произнес небольшую приветственную речь. И в последующие дни неоднократно говорил о том, как рад был видеть рядом родственницу его возраста, с которой он мог спокойно общаться. При первой же возможности он поведал ей, что был влюблен в дочь бывшей фрейлины Елизаветы. Он сказал, что хотел жениться на той девушке, но, к сожалению, недавно ее мать попала в немилость к императрице и была отправлена в ссылку в Сибирь. Теперь его тетка, императрица, не позволит ему жениться на ее дочери. Он все время повторял, что смирился с необходимостью жениться на Софии, «потому что его тетка того желает».

Петр по-прежнему видел в Софии скорее подругу по играм, чем будущую жену. Он не хотел обидеть ее, а просто по-своему пытался быть с ней честным. «Я слушала, краснея,

эти родственные разговоры, — писала София в своих «Мемуарах», — благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взидала с изумлением на его неразумие и недостаток суждения о многих вещах». Если ее и задела его бездумная бесчувственность, то она этого не показала. София привыкла мириться с отсутствием любви в своей собственной семье и была готова к этому уже в новых обстоятельствах. Кроме того, при расставании отец велел ей уважать великого князя как «повелителя, отца и правителя» и стараться «кротостью и смирением» завоевать его любовь.

В свои четырнадцать София была уже достаточно умной и расчетливой. В тот момент она старалась подстроиться под интересы Петра и принять роль его доверенного лица и подруги по играм. Но между ними не было и намека на любовь, даже той легкой влюбленности, которую она пережила по отношению к своему дяде Георгу.

Пневмония

София довольно быстро поняла два основополагающих момента, касавшихся ее пребывания в России. Во-первых, она должна завоевать не столько расположение Петра, сколько милость Елизаветы, и, во-вторых, если она хочет добиться успеха в новой стране, ей нужно выучить русский язык и принять православную веру. Через неделю после прибытия в Москву она стала брать уроки у профессора, учившего ее читать и писать по-русски, и у священника, которому было поручено рассказать ей о доктринах и обрядах русской православной церкви. В отличие от Петра, который отказывался воспринимать все, что пытались рассказать ему учителя, София училась весьма охотно.

Елизавета считала, что переход в православие был для юной принцессы одной из самых важных задач, и выбранный для ее обучения священник старался развеять опасения юной протестантки, которую просили отказаться от своей лютеранской веры. Симеон Теодорский, епископ Псковский, был образованным человеком широких взглядов. Он свободно говорил по-немецки и в течение четырех лет обучался в Университете в Галле в Германии. Там он пришел к выводу, что основной смысл религии заключался не в различных традициях и ритуалах, а в общих, основополагаю-

щих постулатах христианства. Он пытался доказать Софии, что православная вера не отличается от лютеранской, таким образом, она не нарушит данное отцу обещание, если сменит веру. Его слова произвели на Софию сильное впечатление, и она написала отцу, сообщив, что пришла к заключению, что разногласия между лютеранством и православием состояли лишь в «различности ритуалов, но здешняя церковь крепко держится их из-за темноты и необразованности народа». Христиан Август был встревожен тем, с какой быстротой его дочь теряет свои протестантские убеждения, и ответил ей:

«Загляни в свою душу и пойми, вдохновляют ли твое сердце религиозные убеждения, или же ты, сама того не ведая, находишься под впечатлением от той милости, которой одаривает тебя императрица... и влияет на твои решения. Мы, люди, часто видим лишь то, что у нас перед глазами. Но Бог в своей бесконечной справедливости видит сердца людей, понимает их истинные мотивы и воздает каждому по заслугам».

Попытки Софии примирить религиозные разногласия двух мужчин, которых она уважала и почитала, столкнулись с большими трудностями. «Перемена религии причиняла принцессе сильную боль, – писал королю Фридриху прусский посол Мардефельд.

Продолжая заниматься с Теодорским, София также находила время для обучения русскому языку. День казался слишком коротким для нее. Она просила, чтобы уроки ве-

лись продолжительное время. По ночам она вставала, брала книгу и свечку, ходила босиком по холодному каменному полу и повторяла наизусть русские слова. Неудивительно, что, прибыв в Москву в начале марта, она простудилась. Сначала Иоганна боялась, что ее дочь могут заподозрить в чрезмерной болезненности, и пыталась скрыть ее недуг. Но у Софии началась лихорадка, ее зубы сильно стучали, она вся покрылась испариной и, в конце концов, упала в обморок. Врачи, к которым обратились слишком поздно, установили острую пневмонию и потребовали, чтобы находящейся без сознания пациентке пустили кровь. Иоганна с негодованием отказалась, заявив, что большая потеря крови привела к смерти ее брата Карла, который должен был жениться на юной Елизавете, и что она не позволит врачам убить свою дочь. «Я оставалась в постели, между матерью и докторами, которые спорили между собою, – писала позже София. – Я была без памяти, в сильном жару и с болью в боку, которая заставляла меня ужасно страдать и издавать стоны, за которые мать меня бранила, желая, чтобы я терпеливо сносила боль».

Весть о том, что жизни Софии угрожает опасность, достигла императрицы, которая удалилась в возведенный в четырнадцатом веке Троицкий монастырь. Она поспешила вернуться в Москву, явилась в комнату больной и вмешалась в спор между Иоганной и врачами. Елизавета прервала перепалку и приказала врачам принять все необходимые меры

для спасения больной. Отчитав Иоганну за то, что та посмела не слушаться ее докторов, она распорядилась немедленно сделать кровопускание. Когда Иоганна продолжила возмущаться, императрица приказала вывести мать Софии из комнаты. Елизавета гладила Софию по голове, пока врачи вскрывали вены у нее на ногах; они выпустили две унции крови. Начиная с того дня на протяжении четырех недель Елизавета сама ухаживала за Софией. Поскольку лихорадка не стихала, Елизавета распорядилась повторять кровопускания, и в течение двадцати семи дней четырнадцатилетней девушке пускали кровь шестнадцать раз.

Пациентка часто теряла сознание, но Елизавета все время находилась около ее постели. Когда врачи сокрушенно качали головами, императрица плакала. Бездетная женщина испытывала нечто вроде материнской любви к девушке, которую едва знала, но которую так боялась потерять. Когда София приходила в себя, она чувствовала, что Елизавета держит ее за руку. Она хорошо запомнила эти интимные моменты. Несмотря на то что ей придется пережить за годы правления Елизаветы – щедрость и доброту, смешанную с мелочностью и жестким неодобрением, – София никогда не забудет женщину, которая в эти тяжелые, полные неизвестности дни склонялась над ней, гладила ее волосы и целовала в лоб.

Но были и те, кому болезнь Софии доставляла радость, а не печаль. Вице-канцлер Алексей Бестужев, до сих пор мечтавший о браке Петра с саксонской принцессой, торжество-

вал. Однако Елизавета быстро лишила его повода для радости, заявив, что в любом случае, даже если произойдет несчастье и София умрет, «скорее ее заберет дьявол, чем она пригласит саксонскую принцессу». В Берлине прусский король Фридрих стал уже подыскивать кандидатуру на замену. Он написал ландграфу Гессен-Дармштадтскому и спросил, можно ли рассчитывать на его дочь в случае смерти Софии.

Между тем юная больная, сама того не осознавая, стала покорять сердца людей. Фрейлины знали, как София заболела. Они рассказали обо всем камергерам, те – лакеям, слухи распространились по дворцу, а затем просочились и в город: маленькая иностранная принцесса, которая так любит Россию, теперь лежит на смертном одре, потому что ночами она не спала, чтобы быстрее выучить русский язык. В течение нескольких недель эта история помогла Софии завоевать любовь многих людей, которых отталкивало высокомерное и презрительное отношение великого князя Петра.

Еще одно событие, произошедшее в комнате больной, приобрело широкую известность и благотворно отразилось на репутации Софии. В тот момент, когда, казалось, готовы были подтвердиться самые мрачные опасения, Иоганна заговорила о необходимости пригласить лютеранского священника, чтобы тот утешил ее дочь. Но София, все еще истощенная лихорадкой, прошептала: «Зачем же? Пошлите лучше за Симеоном Теодорским, я охотно с ним поговорю». Услышавшая эти слова Елизавета разрыдалась. Вскоре о просьбе

Софии уже говорили при дворе и в городе, люди, вначале с недоверием отнесшиеся к приезду немецкой принцессы-лютеранки, теперь прониклись к ней сочувствием.

Отдавала ли София отчет в своих действиях и знала ли, к чему могут привести ее слова? Теперь трудно сказать что-то наверняка. Вряд ли после нескольких недель в России у нее возникло искреннее желание обратиться в православную веру. И все же факт остается неопровержимым: перед лицом смерти она оказалась невероятно везучей, – или же на удивление рассудительной, – чтобы использовать самый эффективный способ завоевать расположение будущих подданных. «Пошлите за Симеоном Теодорским».

В своих «Мемуарах» Екатерина, вспоминая события прошлого, практически подтвердила, что четырнадцатилетняя девушка в действительности понимала суть своей просьбы. Она признается, что во время болезни иногда шла на хитрость. Временами она закрывала глаза и притворялась спящей, а сама слушала разговоры дам, дежуривших у ее постели. Французский, на котором она говорили, был широко распространен при русском дворе. Она писала, что находившиеся при ней дамы, «думали, что я сплю <...> и говорили между собой о том, что у них было на душе, и таким образом я узнавала массу вещей».

Возможно, все объясняется проще. Появление у ее постели лютеранского пастора вряд ли улучшило бы ее физическое и душевное состояние. А если лютеранская и право-

славная церковь были так похожи, как объяснял ей Теодорский, почему бы не призвать священника, который ей нравился и беседы с которым были приятны и могли утешить ее?

В первую неделю апреля лихорадка отпустила Софию. Набираясь сил, она заметила перемену в отношении окружающих. Дамы, дежурившие у ее постели, стали проявлять к ней больше сочувствия, кроме того, она обратила внимание, что «поведение моей матери в течение моей болезни принизило ее в глазах окружающих». К сожалению, Иоганна решила еще больше усугубить свое положение. Она искренне переживала за жизнь дочери, но пока София постепенно завоевывала любовь и уважение людей, ее мать, изгнанная из комнаты дочери, стала ворчливой и раздражительной. Когда София пошла на поправку, Иоганна послала горничную, чтобы та попросила принцессу отдать ей кусок сине-серебряной парчи, прощальный подарок от дяди Софии, брата ее отца. София отдала парчу, но сделала это с большой неохотой, сказав, что ценит его не столько как подарок дяди, сколько как единственную красивую вещь, которую она привезла с собой в Россию. Возмущенные дамы, находившиеся подле больной, сообщили о случившемся Елизавете. Императрица немедленно прислала Софии различные дорогие материи, включая отрез ярко-голубого шелка с вытканными на нем серебряными цветами, очень похожего на отданную материю ткань, только лучшего качества.

21 апреля на свое пятнадцатилетие София впервые после болезни появилась при дворе. «Я думаю, что не слишком-то довольны были моим видом, — писала она позже, — я похудела, как скелет, выросла, черты моего лица удлинились; волосы выпадали, и я была бледна смертельно. Я сама находила, что страшна, как пугало, и едва узнавала себя. Императрица прислала мне в этот день банку румян и приказала нарумяниться». В награду за мужество и желая отпраздновать исцеление Софии, Елизавета подарила ей бриллиантовое кольцо и серьги, стоившие двадцать тысяч рублей. Великий князь Петр прислал ей часы, инкрустированные рубинами.

Когда София появилась перед придворными вечером в день своего рождения, возможно, она и не была воплощением юности и красоты, однако, войдя в тронный зал, она поняла, что кое-что изменилось. Во взглядах окружающих ее людей, в том, как ей осторожно пожимали руку, она увидела проявление сочувствия и уважения, которые она завоевала. Она больше не была чужестранкой, объектом для любопытства и подозрений, а стала одной из них, и все радовались ее возвращению. После многих недель страдания Россия начала воспринимать ее как русскую.

На следующее утро она вновь приступила к занятиям с Симеоном Теодорским. Она согласилась принять православие, и между Москвой и Цербстом завязалась оживленная переписка с целью заручиться формальным согласием ее отца на смену религии. София знала, что Христиан Август

болезненно переживал подобную перспективу, но Цербст остался где-то далеко, теперь она была предана России. В начале мая София написала отцу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.